

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С

**Интеграция мигрантов второго поколения в
возрасте 18-35 лет в России**

.

Москва 2019

Аннотация. В данной работе представлены результаты двухлетнего проекта по изучению интеграционных траекторий мигрантов второго поколения из Закавказья и Средней Азии в России в возрасте 18-35 лет. Исследование сфокусировано на тех, кто окончил школу в России и у кого хотя бы один из родителей родился в Армении, Азербайджане, Узбекистане, Таджикистане или Киргизии и может быть отнесен к одной из «нерусских» этнических категорий. Эмпирическая база этого текста – опрос мигрантов второго поколения и российской молодежи без миграционного бэкграунда с помощью таргетирования в социальных сетях (N=12524) и серия интервью в четырех регионах РФ (N=260). В тексте приводятся характеристики структурной, социальной, культурной и идентификационной интеграции мигрантов второго поколения в России, которые далее сопоставляются с данными о положении мигрантов второго поколения в других странах. На основании проведенного анализа сформулированы рекомендации.

Abstract. The paper presents results of a two-year research project on integration trajectories of second generation migrants from Transcaucasia and Central Asia aged 18-35 years old in Russia. The research is focused on the people who graduated from school in Russia and who has at least one parent who was born in Armenia, Azerbaijan, Uzbekistan, Tajikistan and Kyrgyzstan and can be identified with one of the “non-Russian” ethnic categories. The empirical basis of the paper is a survey of migrants and local youth with non-migrant background with the help of targeting in social networking sites (N=12524) and a series of interviews in four regions of Russia (N=260). The paper characterizes structural, social, cultural and identificational integration of second generation migrants in Russia and compares them with the corresponding data in other countries. On the basis of this analysis, the authors provide recommendations.

Варшавер Е.А, старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Рочева А.Л., научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, кандидат социологических наук ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Иванова Н.С., научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2018 год

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
1 Методология исследования интеграционных траекторий мигрантов второго поколения в России	6
1.1 Опрос мигрантов второго поколения в России	6
1.2 Качественное исследование мигрантов второго поколения в регионах России	11
2 Анализ характеристик интеграционных траекторий мигрантов второго поколения в России	13
2.1 Структурная интеграция.....	13
2.2 Социальная интеграция	23
2.3 Культурная интеграция.....	35
2.4 Идентификационная интеграция	47
3 Результаты сравнения интеграционных траекторий мигрантов второго поколения в России и в других странах	53
4 Рекомендации по улучшению интеграционных траекторий мигрантов второго поколения в России	59
Заключение.....	64

Введение

Интеграция мигрантов является важнейшим «навыком» обществ XXI века. Вольются мигранты в полной мере в жизнь принимающего общества или останутся на его периферии? Смогут ли они реализовать свои возможности и устремления или этот потенциал не будет использован? Способствуют ли они экономическому росту или становятся фактором социального напряжения? Эти вопросы являются ключевыми индикаторами успешного и компетентного общества.

Известно, что мигранты первого поколения редко вливаются в принимающее общество в полной мере. Если экономически такие мигранты могут преуспеть, культурный арсенал принимающего общества зачастую осваивается ими, как минимум, не полностью. Их дети в этой связи оказываются в лучшем положении. Закончив школу в новой стране и зачастую родившись в ней, такие люди свободно ориентируются в культурном пространстве принимающего общества. Вместе с тем, как следует из международного опыта, их положение в системе образования, на рынке труда, их круги общения, их ценности и представления о себе и своем месте в мире – все это существенным образом разнится от страны к стране и от группы к группе.

Детерминантов фактических интеграционных характеристик мигрантов второго поколения много, однако их можно разделить на две основные совокупности. С одной стороны, это факторы миграционного потока и, соответственно, семьи, в которой воспитывается мигрант второго поколения. С другой – это характеристики принимающего общества, в целом, а также конкретных его сегментов, где проходила социализация таких людей. В свете этого на первый план выходят характеристики общественных институтов, участие в которых и являет собой процесс интеграции, среди которых, образование, рынки труда и недвижимости, армия и др. Хорошие институты способствуют успешной интеграции мигрантов второго поколения, плохие – мешают интеграции и оставляют таких людей на периферии общества. Интеграционные характеристики мигрантов второго поколения, таким образом, являются одним из ключей к пониманию принимающего общества, в целом, и их описание приобретает особую значимость.

Существует как узкое определение термина, согласно которому мигранты второго поколения – это люди, родившиеся в принимающей стране в семьях мигрантов, так и широкое, согласно которому к мигрантам второго поколения относятся все, кто, происходя из таких семей, в принимающей стране закончили школу (при этом родиться они могли как в принимающей, так и в отправляющей странах). Специфика постсоветской миграционной

системы такова, что, с одной стороны, миграционные потоки, приведшие родителей российского второго поколения в Россию, часто являлись внутренними (если миграция осуществлялась до декабря 1991 года) или очень на них похожими (в первые постсоветские годы), с другой, узкому определению мигранта второго поколения соответствует относительно небольшая доля детей мигрантов – в типичном случае они скорее родились в отправляющей стране, затем же – в дошкольные или школьные годы – переехали в Россию. В свете этого было решено определить мигрантов второго поколения как людей, закончивших школу в России, хотя бы один из родителей которых родился в одной из советских республик (не РСФСР). Более того, мы фокусируемся на т.н. этнических мигрантах второго поколения из Закавказья и Средней Азии, то есть тех, чьи родители (один или оба) относятся к одной из «нерусских»¹ этнических категорий и родились в Армении, Азербайджане, Кыргызстане, Таджикистане или Узбекистане. Прочие категории мигрантов второго поколения (например, дети мигрантов из Украины или русские мигранты второго поколения из Средней Азии) используются для сравнения в количественном исследовании, однако находятся вне фокуса исследования. Кроме того, мы изучаем мигрантов второго поколения в молодом взрослом возрасте, понимаемом как 18-35 лет.

Ключевой вопрос исследования – каковы интеграционные характеристики мигрантов второго поколения в России. Согласно теоретической рамке исследования, созданной на основе работ Х.Эссера и Ф.Хекманна, существует четыре аспекта интеграции – структурный (гражданство, образование, рынок труда), социальный (круги общения, романтические и брачные отношения), культурный (язык и ценности) и идентификационный (идентификация в этнических и национальных терминах и их смыслы). Исследование было осуществлено на основании методологии смешанных методов – количественный опрос сопровождался глубинными региональными исследованиями, когда в тех или иных регионах проводились глубинные и экспертные интервью, а также наблюдения.

¹ Авторы стоят на конструктивистских позициях, что предполагает рассмотрение этнических категорий, в частности, национальностей, в качестве явлений постоянно производящихся в ходе общения между людьми. Часто это подчеркивается использованием кавычек при упоминании тех или иных категорий.

1 Методология исследования интеграционных траекторий мигрантов второго поколения в России

Проект реализовывался смешанными методами, данные собирались двумя способами. Первый – это всероссийский опрос молодежи, включающей в себя как мигрантов второго поколения разного происхождения, так и их местных сверстников. Второй – серия интервью с мигрантами второго поколения из Средней Азии в Москве, серия интервью с мигрантами второго поколения из Средней Азии и Закавказья в Тюменской области и Иркутске, серия интервью с мигрантами второго поколения из Закавказья в Твери, а также интервью с родителями и экспертами в этих регионах. Далее методология опроса и качественного исследования будет описана подробно.

1.1 Опрос мигрантов второго поколения в России

Опрос проводился в социальных сетях четырьмя способами: один со случайной выборкой и три – с целевой. При этом опрос проводился совместно с компанией Mail.ru, и первые три способа (случайная выборка и две целевых) реализовали именно они, а исследовательская группа авторов препринта реализовала четвертый способ. Расскажем об этих способах подробнее. Первый способ – это случайная выборка по пользователям группы «Опросы, тесты и мнения» в «Одноклассниках» и «ВКонтакте», социально-демографические характеристики пользователей которой не отличаются от таковых среди всех пользователей соответствующих социальных сетей (по информации из коммуникации с сотрудниками mail.ru). Второй способ – это таргетирование пользователей 16-35 лет по этнически маркированным группам и сообществам в «Одноклассниках» и «ВКонтакте» (81 армянская группа в ВК, 43 армянских групп в ОК, 90 азербайджанских групп в ВК, 49 азербайджанских групп в ОК, 13 узбекских групп в ВК, 16 узбекских групп в ОК, 28 таджикских групп в ВК, 18 таджикских групп в ОК, 45 кыргызских групп в ВК, 33 кыргызских групп в ОК, 14 грузинских групп в ВК, 16 грузинских групп в ОК, 31 украинских групп в ВК, 6 украинских групп в ОК). Третий способ – это отбор пользователей 18-35 лет, у которых в профиле указаны родители, а в профиле родителей в качестве места рождения выбрана одна из интересующих нас стран – Азербайджан, Армения, Грузия, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, Украина. Наконец, четвертый способ, который был реализован участниками исследовательской команды, предполагал в общем смысле таргетирование пользователей 16-35 лет и дальнейшей спецификацией способа достижения в зависимости от конкретной группы и социальной сети. Так, в

«Фейсбуке» и «Инстаграме» нет возможности таргетировать по группам, поэтому для таргетирования мигрантов второго поколения из Средней Азии, Закавказья и Украины мы пользовались категорией «интересы» (например, для таргетирования мигрантов второго поколения азербайджанского происхождения запрос был сформулирован следующим образом: Азербайджан, Баку, азербайджанский язык), а для таргетирования молодежи 16-35 лет без миграционного бэкграунда дополнительных фильтров мы не ставили. В «Одноклассниках» мы таргетировали мигрантов второго поколения из Закавказья и Средней Азии через этнически маркированные группы (97 киргизских групп, 72 таджикские группы, 42 узбекские группы, 46 армянских и 35 азербайджанских групп), других респондентов не опрашивали. В «Вконтакте» мы таргетировали мигрантов второго поколения из Закавказья и Средней Азии через этнически маркированные группы (46 киргизских групп, 75 таджикских групп, 37 узбекских групп, 100 армянских групп, 96 азербайджанских групп), мигрантов второго поколения из Украины и молодежь без миграционного бэкграунда мы таргетировали без использования дополнительных фильтров.

Опрос проводился в мае-июле 2018 года. Анкета на русском языке была размещена в интерфейсе приложения «Опросы, тесты и мнения», а также на ресурсе SurveyMonkey. Основные блоки анкеты – это социально-демографические характеристики, включая позицию на рынке труда, характеристики родителей, школьный опыт, социальные связи, связанные с идентификацией установки, романтические и брачные отношения, социальные связи, транснациональные практики (для мигрантов второго поколения). Кроме того, мигрантам второго поколения армянского и азербайджанского происхождения задавались вопросы о Карабахском конфликте и их этнических установках в связи с ним. На первом этапе использовавшиеся для рекламы опроса в социальных сетях текст и картинка (креатив) носили универсальный характер (Рисунок 1, Рисунок 2, Рисунок 3), на втором этапе, когда выяснилось, что таким образом мигранты второго поколения набираются очень медленно, при таргетировании мигрантов второго поколения стали использоваться этнически ориентированные объявления (Рисунок 4).

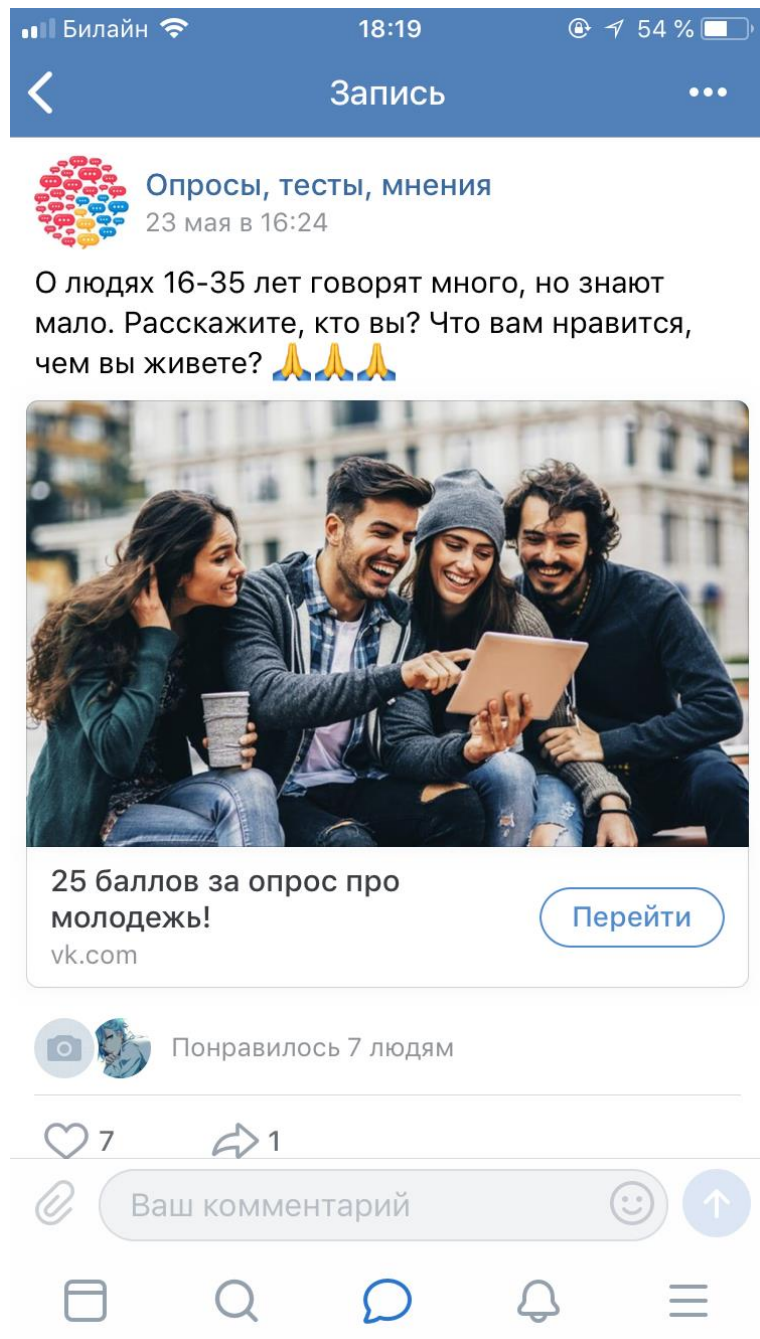

Рисунок 1 – Пример креатива универсального характера

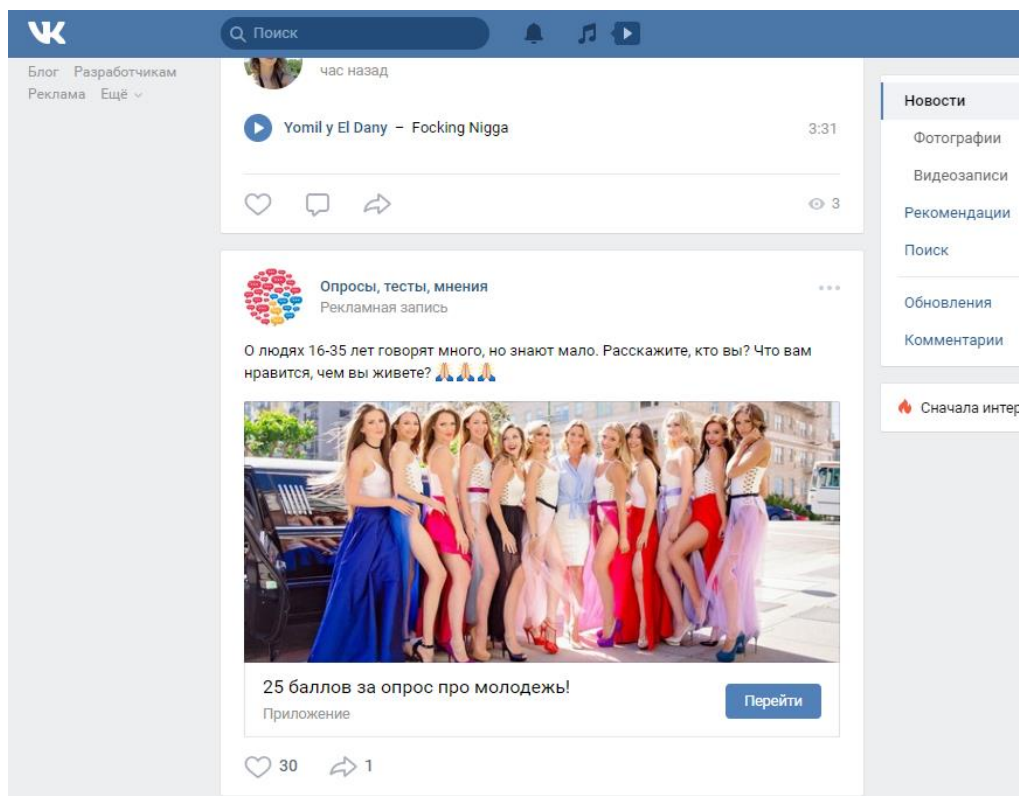

Рисунок 2 – Пример креатива универсального характера

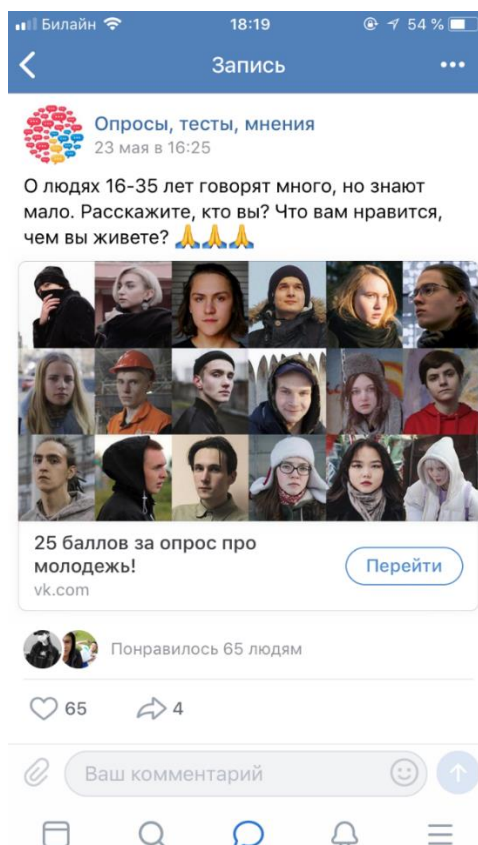

Рисунок 3 – Пример креатива универсального характера

Рисунок 4 – Пример этнически ориентированного креатива

В итоговый массив, после чистки, вошли ответы 12524 респондентов. Для проведения анализа были выделены группы респондентов – 12 групп на первом шаге и 6 групп на втором. Основные переменные, на основании которых группы были выделены – место рождения и национальность (открытый вопрос, кодировка) отца или обоих родителей, а также, в некоторых случаях национальность (открытый вопрос, кодировка) респондента. По умолчанию использовалось место рождения и национальность отца. На первом шаге было выделено 12 групп. Если отец респондента родился вне России или РСФСР, респондент классифицировался как МВП. Если нет – как местный. Если национальность отца была закодирована как «русский», респондент также классифицировался как «русский». Далее, на пересечении национальности и места рождения были выделены следующие группы: армянские МВП (отец родился в одной из стран Закавказья, армянин), азербайджанские МВП (по аналогии), грузинские МВП (по аналогии), кыргызские МВП (отец родился в одной из стран Средней Азии, кыргыз), таджикские МВП (по аналогии), узбекские МВП (по аналогии), украинские МВП (отец родился в Украине, украинец), закавказские русские МВП (отец родился в Закавказье, русский), среднеазиатские русские МВП (по аналогии), украинские русские МВП (по аналогии), местные русские (отец родился в России, русский), местные нерусские (отец родился в России, любой другой национальности кроме как русский). На втором шаге из 12 групп было сделано 6, в частности, все закавказские этнические МВП были объединены в группу «закавказские МВП», среднеазиатские – в группу «среднеазиатские МВП», а русские МВП из Закавказья, Средней Азии и Украины были объединены в группу «русские МВП». Остальные группы остались такими же. В приведенном в препринте анализе

используются в основном группы «закавказские МВП», «среднеазиатские МВП» и «местные».

1.2 Качественное исследование мигрантов второго поколения в регионах России

Качественное исследование – интервью и групповые дискуссии – было проведено в Москве, Тюменской области, включая Ханты-Мансийский автономный округ и Ямало-Ненецкий автономный округ, Твери и Иркутске.

Всего за год было проведено 260 интервью. В Москве было проведено 47 интервью и одна групповая дискуссия с мигрантами второго поколения из стран Средней Азии: 17 интервью с мигрантами второго поколения из Кыргызстана, 17 интервью с мигрантами второго поколения из Узбекистана и 13 интервью и одна групповая дискуссия с мигрантами второго поколения из Таджикистана. В Твери было проведено 24 интервью, из них 10 интервью с мигрантами второго поколения азербайджанского происхождения, 11 интервью с мигрантами второго поколения армянского происхождения, и еще 2 интервью с родителями мигрантов второго поколения. В Иркутске было проведено 23 интервью: 3 интервью с экспертами и 30 интервью с мигрантами второго поколения, из них 5 – с мигрантами второго поколения азербайджанского происхождения, 8 – армянского происхождения, 4 – киргизского происхождения, 2 – таджикского происхождения, 1 – узбекского происхождения. В Тюменской области было проведено 166 интервью и 4 групповые дискуссии с мигрантами второго поколения из Закавказья и Средней Азии, их родителями и экспертами. Полевая работа проводилась в девяти городах и поселках (Тюмень, Сургут, Нижнесортимское поселение, Покачи, Нефтеюганск, Новый Уренгой, Салехард, Ноябрьск, Муравленко), что позволило составить более полную картину интеграции мигрантов второго поколения в населенных пунктах разных типов. В Сургуте было проведено 35 интервью и две групповые дискуссии, в Нижнесортимском поселке – 15 интервью и одна групповая дискуссия, в Нефтеюганске – 21 интервью, в Покачи – 6 интервью и одна групповая дискуссия, в Тюмени – 39 интервью, в Муравленко – 3 интервью, в Новом Уренгое – 21 интервью, в Ноябрьске – 13 интервью, в Салехарде – 13 интервью.

Рекрутинг информантов проводился разнообразными методами: через образовательные учреждения (школы, средние специальные и средние профессиональные, а также высшие учебные заведения), мечети, диаспорные организации, социальные сети (например, этнически маркированные и локальные группы), сайты знакомств, места работы

первого поколения мигрантов (например, рынки) и через личные контакты исследователей. Каждого информанта в конце интервью просили поделиться контактами других потенциальных информантов – однако ни одной большой цепочки информантов, связанных друг с другом, которая бы позволила говорить о серьезных смещениях в отборе информантов для интервью, не наблюдалось. При отборе информантов мы руководствовались требованиями теоретической выборки.

Гайд интервью включал в себя вопросы об истории миграции и социально-экономическом профиле семьи, об образовательной траектории информанта и траектории на рынке труда, кругах общения на разных этапах, установках и реальном поведении в сфере романтических отношений, интеграционных траекториях братьев и сестер, уровне владения разными языками и особенностях их использования, транснациональных практиках, религиозности и так далее. При согласии информанта интервью записывались на диктофон. После интервью с мигрантом второго поколения исследователь заполнял профиль информанта в специально разработанной под цели проекта таблице – кейсбуке, где одна строка соответствует одному информанту, а столбцы – ключевым блокам гайда. Таким образом, чтение профиля информанта, заполненного в кейсбуке коллегой-исследователем, позволяет быстро, хотя и не полностью, воссоздать историю, которая за этим стоит. Если интервью проводилось с родителем, то столбцы заполнялись информацией о его детях. Если же интервью проходило с экспертом, то, помимо характеристики позиции эксперта, заполнялся один столбец – экспертные тезисы о населенном пункте. Впрочем, столбец с экспертными тезисами не был предназначен исключительно экспертам – второе поколение мигрантов, как и их родители, также делились своими наблюдениями о месте взросления и проживания, а также о траекториях своих сверстников с разными миграционными профилями. Также в кейсбуке фиксировались материалы наблюдений, проводившихся в ходе или в связи с интервью.

2 Анализ характеристик интеграционных траекторий мигрантов второго поколения в России

В данном разделе – на основании анализа количественных и качественных данных – будут представлены результаты исследования российских мигрантов второго поколения в целом, по четырем измерениям: структурная, социальная, культурная и идентификационная интеграции. Для каждого пункта – сформулирован исследовательский вопрос, ответом на который является текст пункта. Вопросы не заземлены в той или иной теории и призваны отразить общественный запрос к нашему исследованию, не в последнюю очередь отражающий определенные социальные фобии и опасения. Для структурной интеграции вопрос звучит следующим образом: «Отличаются ли мигранты второго поколения от своих сверстников в части образования, дохода и позиций на рынке труда». Вопрос для пункта, посвященного социальной интеграции такой: «Формируют ли мигранты второго поколения замкнутые этнические сообщества». Описание культурной интеграции – это ответ на вопрос «Отличаются ли мигранты второго поколения от прочих россиян в том, что касается ценностей и норм». Идентификационная интеграция структурируется вокруг вопроса «Насколько мигранты второго поколения лояльны России или они сохраняют лояльность родной стране их родителей». Вопрос в каждом из пунктов переформулируется с целью построить мост между ним и нашими данными, и затем – на основании анализа количественного массива данных, а также глубинных интервью – на него дается развернутый ответ. В резюме раздела будет представлен конденсированный ответ на вопрос о характеристиках интеграционных траекторий мигрантов второго поколения в России.

2.1 Структурная интеграция

Различаются ли мигранты второго поколения и местные в части уровня образования? Для ответа на этот вопрос был создан подмассив, состоящий из тех, кто на момент опроса или только работал, или не работал и не учился, то есть – окончательно или временно – завершил получение образования. Согласно расчетам, есть существенные отличия между группами в части высшего уровня полученного образования (Таблица 1). Закавказские МВП имеют высшее образование или степень кандидата наук в 53% случаев, что значительно чаще, чем среднеазиатские МВП и местные. Среднеазиатские МВП напротив значительно чаще остальных (43% против 29% у местных и 22% у закавказских МВП) имеют только школьное образование. Более того, формулировка вариантов ответов не позволяет вычленить тех, кто не закончил 9 классов, из качественных данных, однако,

известно, что такие случаи не являются единичными. Среднеазиатские МВП чаще всего прекращают учиться после школы.

Таблица 1 –Уровень образования закавказских МВП, среднеазиатских МВП и местных респондентов

Уровень образования	Закавказские МВП	Среднеазиатские МВП	Местные
Школьное (8, 9, 10 или 11 классов)	22%	43%	29%
Профессиональное, не высшее	25%	35%	35%
Высшее или степень	53%	23%	36%
Всего	1199	274	3468

Какими могут быть траектории, за счет которых у мигранта второго поколения может отсутствовать даже базовое школьное образование? Скорее всего, должны присутствовать два фактора – сложная семейная ситуация и запретительные установки родителей. Н. (ж, 21, тадж, Москва, №190) училась в Таджикистане до 4 класса, после чего ее семья переехала в Москву на два года, в течение которых она не ходила в школу. Затем ее семья на год вернулась в Таджикистан, где Н. ходила в 6 класс в Таджикистане, вслед за этим она с матерью и сестрой вернулась в Москву. Отец на тот момент с ними уже не жил – жил с другой женщиной. Мать хотела, чтобы Н. сидела дома, а кроме этого некому было сидеть с сестрой, которая не ходила в детский сад. Больше Н. в школу не ходила. Сейчас она работает стилистом по прическам.

В какой степени у мигрантов второго поколения доход больший или меньший, чем у сопоставимых местных? Чтобы понять это, был проведен анализ средних по всем работающим респондентам².

Согласно анализу средних, различий между группами «мигранты второго поколения» и «местные» не выявлено (Рисунок 5, Рисунок 6). Если среднее значение по всему массиву составляет 41343 рубля, значение по мигрантам второго поколения – 41480 рублей, а по местным – 41283. Выявленная разница в 197 рублей не является статистически значимой. Анализ по трем группам, в ходе которого из группы «мигранты второго поколения» были выделены мигранты второго поколения из Закавказья и из Средней Азии (

Таблица 2) также не зафиксировал статистически значимой разницы между группами.

² В анализ были включены все ответившие «только работаю» на вопрос о занятии.

Рисунок 5 – Сравнение средних значений: Доход местных респондентов и мигрантов второго поколения

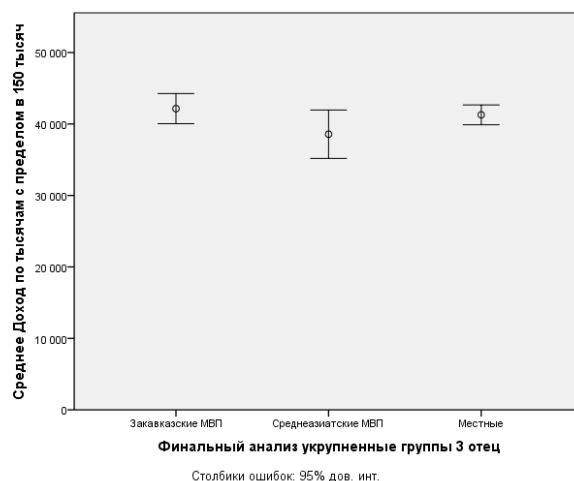

Рисунок 6 – Сравнение средних значений: Доход местных респондентов, закавказских и среднеазиатских МБП

Таблица 2 – Сравнение средних значений: Доход местных респондентов, закавказских и среднеазиатских МБП

Группа	N	Среднее	Закавказские МБП	Среднеазиатские МБП	Местные
Закавказские МБП	979	42149		3579	865
Среднеазиатские МБП	225	38570	-3579		-2713
Местные	2761	41284	-865	2713	
Всего	5572				

Следует, однако, определить, как обстояло бы дело, если бы группы не отличались по полу и возрасту, и посредством регрессионного анализа сбалансировать группы по этим критериям (

Таблица 3). Согласно регрессионному анализу, отсутствие разницы между местными и всеми мигрантами второго поколения сохранилось бы, сохранилось бы и отсутствие разницы между местными и закавказскими МВП. Вместе с тем появилось бы статистически значимое различие между местными и среднеазиатскими МВП.

Таблица 3 – МНК регрессия, зависимая переменная личный доход

МНК регрессия, зависимая переменная личный доход		
Возраст	-415**	-438***
Пол (1 – мужской, 2 – женский)	-7934***	-8000***
Группа (1 – МВП, 2 Местный)	1295	
Закавказские МВП		-414
Среднеазиатские МВП		-5413***
Константа	62036	65362
R2	0,015	0,016
N	3965	3965

Скорее всего это различие связано с тем, что в массиве среди работающих среднеазиатские мужчины представлены больше, чем женщины, при том, что мужчины по всем группам и по массиву в целом получают больше. Доля мужчин среди работающих среднеазиатских МВП 63%, закавказских МВП 57%, местных – 50%. В целом же, таким образом, по России доход работающих мигрантов второго поколения равен доходу местных.

Вместе с тем анализ выявил значимые различия между группами отдельно в столичных (к ним были отнесены Москва, Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область) и нестоличных (все прочие) регионах (Таблица 4, Рисунок 7, Рисунок 8). Более того, различия в доходах между МВП и местными в этих двух группах регионов отличаются зеркально. Если в столичных регионах местные получают больше прочих групп (МВП в целом и МВП из Закавказья и Средней Азии), в остальных регионах их доход статистически значимо ниже. В столичных регионах кроме того просматривается своеобразная иерархия, согласно которой больше всех получают местные (59186 рублей), за ними – закавказские МВП (51494), а замыкают последовательность среднеазиатские МВП (37050 рублей), в остальной России доход закавказских и среднеазиатских МВП примерно одинаков (39680 и 36322 рублей соответственно), а доход местных составляет 32611 рублей. Наиболее очевидным образом такое положение вещей можно объяснить через различия в занятиях (см.

Таблица 5). В нестоличных регионах МВП бизнесом занимаются чаще, чем местные, в столичных же регионах бизнесом чаще всего занимаются местные и закавказские МВП, а среднеазиатские по этому показателю отстают. Не подтвердилась гипотеза, сформулированная на основе результатов качественного исследования, согласно которой в регионах закавказские МВП занимаются бизнесом чаще, чем в Москве, где они претендуют на позиции специалистов с высшим образованием – в столичных регионах и во всех прочих регионах доля закавказских МВП, которые занимаются бизнесом идентична – 21%. Зато подтвердилась гипотеза, что МВП в регионах часто идут работать на семейные предприятия: доля занятых таким образом среди закавказских МВП 8%, среднеазиатских МВП – 9%, местных – 4%.

Таблица 4 – Сравнение средних значений: Доход респондентов по регионам

	Местные	МВП	СА МВП	ЗК МВП	Местные – МВП	Местные – ЗК МВП	Местные – СА МВП	ЗК МВП – СА МВП
М, МО, СПб, ЛО	59186	48581	37050	51494	10605***	7692**	22136***	14444**
Прочие регионы	32611	36917	39680	36322	-4306**	-3711*	-7069*	-3358

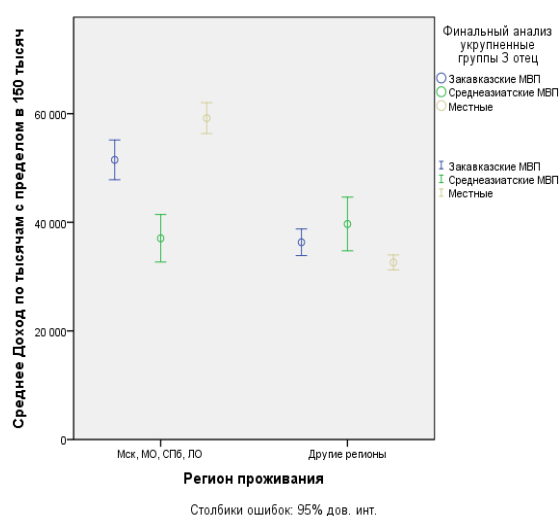

Рисунок 7 – Сравнение средних значений: Доход респондентов по регионам

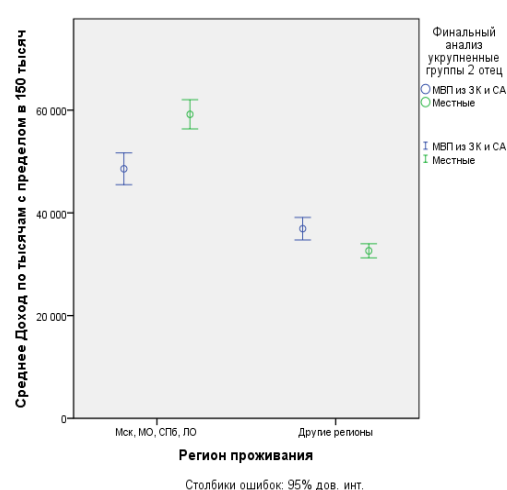

Рисунок 8 – Сравнение средних значений: Доход МВП и местных по регионам

Таблица 5 – Кросс-табуляция: Тип занятости закавказских МВП, среднеазиатских МВП, местных респондентов в разных регионах

		Наемный работник, в т.ч. госслужащий	Собственный или семейный бизнес	Самозанятость	Хи-квадрат
Везде	Закавказские МВП	73%	21%	6%	23,487**
	Среднеазиатские МВП	78%	18%	4%	
	Местные	80%	15%	6%	
М, МО, СПб, ЛО	Закавказские МВП	72%	21%	7%	8,855`
	Среднеазиатские МВП	84%	14%	2%	
	Местные	71%	23%	6%	
Прочие регионы	Закавказские МВП	74%	21%	5%	50,330***
	Среднеазиатские МВП	73%	22%	5%	
	Местные	84%	10%	5%	

Мигранты второго поколения «вникают» в особенности ведения бизнеса со школьных лет, помогая родителям, и по окончании обучения могут заработать на жизнь, продолжив этот бизнес. Например, В. (м., 22 года, узб., Тюменская область, №309), живущий в Тюмени с 10 лет, сейчас работает в фирме своего отца, которая занимается оптовой продажей фруктов и овощей, и собирается сменить отца «у руля». Поработав на предприятии своих родителей или родственников, мигранты второго поколения могут открыть собственный бизнес. Так поступил С. (м., 21 год, узерб., Тюменская область, №325), чья семья переехала из Азербайджана, когда ему было 11 лет: еще обучаясь в средних классах школы, он много времени проводил в магазине своего отца, и, окончив 9 классов без троек, решил не продолжать обучение, несмотря на протесты родителей, и проработал год в этом магазине «на полную ставку», после чего открыл при финансовой помощи отца свой ларек. О своих размышлениях на момент окончания 9 классов он рассказывал так: учиться 5-6 лет, чтобы зарабатывать 30 тысяч – это не для него, а время он терять не хотел – и никогда потом не жалел, что не продолжил обучение. Бывает и такое, что бизнес открывают МВП, чьи родители бизнесом никогда не занимались. Отец С. (м, 25, азерб., ЯНАО, №353) еще в советское время после армии перебрался в Ноябрьск, где всю жизнь работал на дорожных работах, его мать работала воспитателем в детском саду. С. отучился в колледже на электрика, затем, проработав некоторое время по специальности, начал продавать духи «с капота» своей машина, сейчас у него – сеть магазинов.

Можно ли говорить об особой типичной занятости тех или иных групп МВП? По всей видимости, да. Несмотря на общее сходство в структуре занятости, были также зафиксированы важные различия (

Таблица 6). Местные гораздо чаще работают в промышленном производстве (17% против 6% у закавказских МВП и 8% у среднеазиатских МВП). Закавказские МВП – чуть чаще двух других групп работают в здравоохранении (7% против 3% у среднеазиатских МВП и 4% у местных), а также в торговле (14%, 11%, 9% соответственно). Среднеазиатские МВП недопредставлены в образовании (1% против 5% у закавказских МВП и местных), однако гораздо шире прочих групп представлены в общественном питании (21% против 6% у закавказских МВП и 4% у местных). Более того, анализ, дезагрегированный по группам, позволяет говорить о том, что чаще всего представлены в этой сфере кыргызские МВП (27% случаев), а медиками становятся азербайджанские МВП (9%), а конкретнее – женщины: 18% от всех занятых азербайджанок МВП женщин работают в медицине. Таким образом, можно говорить о складывающейся «специализации» тех или иных групп МВП.

Таблица 6 – Распределение респондентов по сферам занятости

	Закавказские МВП	Среднеазиатские МВП	Местные	Всего
Промышленное производство (в т.ч. добывающие отрасли)	6%	8%	17%	14%
Сельское, лесное, рыболовное и т.п. хозяйство	1%	3%	3%	2%
Строительство	10%	8%	10%	10%
Сфера услуг, сервиса, бытового обслуживания	8%	9%	8%	8%
Общественное питание, ресторанный бизнес	6%	21%	4%	6%
Жилищно-коммунальное хозяйство	1%	0%	2%	2%
Наука, наукоёмкое и высокотехнологичное производство	1%	0%	1%	1%
Образование	5%	1%	5%	5%
Здравоохранение	7%	3%	4%	5%
Культура, искусство	2%	4%	3%	3%
Средства массовой информации	1%	0%	1%	1%
Система государственного, муниципального управления	2%	2%	2%	2%
Военная служба	1%	2%	2%	2%
Правоохранительные органы, силовые структуры, МЧС	2%	1%	2%	2%
Судебные органы, юриспруденция	3%	0%	2%	2%
Транспорт, складское хозяйство	4%	4%	4%	4%
Информационные технологии, связь, интернет	4%	2%	4%	4%
Оптовая, розничная торговля, риэлтерский бизнес	14%	11%	9%	11%
Финансовая сфера, банковские услуги	6%	5%	3%	4%

Продолжение таблицы 6

Консалтинг, информационные услуги	1%	0%	1%	1%
Спорт, туризм, сфера отдыха и развлечений	4%	3%	2%	3%
Другое	8%	8%	7%	8%
Затрудняюсь ответить	3%	3%	4%	3%
	100%	100%	100%	100%

Результаты качественного исследования позволяют представить медицинские траектории для азербайджанских девушек и траектории в общепите для кыргызских МВП в лицах. Популярность медицинской стези для девушек, выросших в азербайджанских семьях, один из информантов (Н., м., 30 лет, азерб., Тверская область, №163) объяснил так: «считают, она там отучится, выйдет замуж, а разрешит ли муж работать в той сфере, где имеются сотрудники ну, мужчины. А в медицине они считают, что она пришла там, да получила образование гинеколога, сотрудники все будут в основном [женщины]. Это такой стереотип». Кроме того, в семьях информантов существует представление, согласно которому в доме должен быть врач, а также что медицина – благородное дело. В результате таких установок значительная часть медицинского персонала в некоторых больницах может быть азербайджанского происхождения. Как рассказала Щ. (ж., 26 лет, Азерб., ЯНАО №368), медицинская сестра одной из больниц Нового Уренгоя, чья семья переехала из Азербайджана в ЯНАО еще до ее рождения, в каждом отделении этой больницы «по азербайджанке есть точно», причем это могут быть медсестры, врачи, санитарки.

Распространенность занятости мигрантов второго поколения кыргызского происхождения в сфере общественного питания связана с поиском работы через недавно приехавших сверстников, а также через родителей – или через знакомых родителей, которые, в свою очередь, часто трудоустроены именно там. Например, ниже приведен отрывок из интервью с Б. (ж, 21 год, кирг., Москва, №208) работавшей в одной из московских «Шоколадниц»:

Я устроилась после 10 класса летом, мне нечего делать, мы домой не поехали, я отдыхала и гуляла просто. И тут ко мне в голову приходит: «О, надо бы поработать, денег подзаработать на карманные расходы». Прохожу домой посоветовались с мамой <...>, посоветовались с папой <...>. И я такая: «О, попробую в Макдональдс, школьников возможно берут». Я пришла, мне сказали: «Да, конечно. Ты школьница, да, возможно возьмем, но только на лето. Но ты начнешь после мытья полов, то есть с

работы помыть то, помыть то». Мне сказали, что позвонят и не звонили. Потом к маме пришла подруга, они поговорили, оказалось, что эта подруга работает в «Шоколаднице» поваром. И она как раз, мы тогда в Медведково жили, и она как раз в Медведково в «Шоколаднице» работала. И она: «Нам как раз нужны официанты. Давай твоя дочка поработает. Ты не против? Давай директору расскажу, что есть такая девочка, знает русский язык, у которой гражданство РФ. Внешность не славянская, но она будет работать хорошо». Мама позвала меня к себе: «Вот, предлагают тебе работу, как ты смотришь на это?». На следующий день, она как раз была на работе, рассказала директору, эта женщина мне позвонила, говорит: «Приходи на собеседование». Я пришла, она поспрашивала меня <...> Вот таким образом я устроилась. Полгода я работала официантом, через полгода мне предложили стать наставником.

Таким образом, можно говорить о том, что, во-первых, в сравнении с местными закавказские МВП образованы лучше, а среднеазиатские – хуже, однако, эффекта на усредненном групповом уровне это не имеет – получают закавказские и среднеазиатские МВП, а также местные примерно одинаково. Более того, регрессионный анализ (см. Таблица 7) позволяет говорить о том, что ожидаемо на индивидуальном уровне самым сильным образом с доходом связано наличие бизнеса, а связи между уровнем образования и наличием бизнеса, согласно простому корреляционному анализу ($r=0,013$, $p=0,389$) выявлено не было. В целом же, представленные регрессионные модели довольно четко выявляют факторы, связанные с доходом – коэффициент детерминации доходит до 28%. В частности, наряду с наличием бизнеса самыми значимыми являются такие факторы как регион проживания (в столичных регионах доход в среднем выше порядка 16 тысяч рублей), уровень образования (те, кто имеет только школьное образование «недополучают» до 12 тысяч в сравнении с теми, кто закончил ВУЗ), а также пол (мужчины получают при прочих равных больше женщин на 9,5 тысяч рублей). А вот фактор принадлежности к мигрантам второго поколения не является значимым – разница между ними и местными, если контролировать по указанным и прочим факторам, составляет порядка 1000 рублей и не является статистически значимой. Более того, в такой модели нет разницы между закавказскими и среднеазиатскими МВП.

Таблица 7 – Линейная регрессия (метод МНК), зависимая переменная доход в последний месяц

Линейная регрессия (метод МНК), зависимая переменная доход в последний месяц. В расчет включены все работающие, из расчета исключены украинские МВП

	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Какой Ваш пол?	-9374***	-9649***	-9518***
Возраст	-68	-117	-173
Место рождения обоих родителей	-2776**	-3127***	-2911***
Уровень образования обоих родителей	1202	1523`	1250
Регион проживания	-16229***	-16306***	-16069***
Образование три категории	4283***	3834***	3837***
Оценки в школе	-3457***	-3290***	-3236***
Наличие бизнеса	37908***	38043***	38372***
Местный	1049	4819**	
Русский		-5466**	
Закавказский МВП			-1102
Среднеазиатский МВП			-1782
Константа	79744,781	84688,217	85372,783
R2	0,27	0,28	0,27
N	4584	4584	4584

Почему мужчины МВП получают больше женщин? Скорее всего, немаловажную роль в этом играют гендерные установки, распространенные в среде информантов. Как рассказывал один из информантов в Твери, окончивший вуз, он сначала проработал 4 месяца наемным работником по специальности в органах государственной власти, после чего, сопоставив зарплату и свои ожидания в части дохода, ушел в бизнес – а его сестра так и работает по найму, удовлетворившись невысоким доходом (м., 26 лет, арм., Тверская область, №162):

Р: Я думал, я мечтал. Поработал в нас в Твери в суде четыре месяца, и мне как-то что-то.

И: И поняли, что «нет»?

Р: Может быть я еще бы поработал, но молодой парень получает зарплату 12 тысяч рублей. Каждый день уходит на работу и приходит вечером, а потом говорить: «Мам, дай денег мне на бензин» тоже как-то стремно. <...> [про сестру]
Ну как работает.... Помощником юриста. Я бы не стал.

И: То есть она за 12 тысяч.

Р: За 15. Она девочка, кто ей про деньги что скажет: «Тащи деньги в дом»? На косметику хватает, наверное. <...> Недавно устроилась. До этого в суде работала. Хочет работать, пусть работает. Никто в ее вырученных деньгах не нуждается, в том, что она заработала семья не нуждается и слава богу. Мы сможем ее обеспечить, даже если не будет работать. Но хочется ей, пусть работает, что ей дома сидеть.

И: То есть в Ваших деньгах семья нуждалась?

Р: Нет, в моих деньгах семья тоже не нуждалась. Просто... Ну меня, наверное, мировоззрение такое, что я мужик. Польза в дом.

Можно таким образом говорить о том, что доходы местных и мигрантов второго поколения не отличаются, а их индивидуальный разброс объясняется иными факторами. Уровень же образования по группам различается значимым образом. Если мигранты второго поколения из Закавказья являются самыми образованными, среднеазиатские МВП по этому показателю уступают как закавказским МВП, так и местным.

2.2 Социальная интеграция

В основание этого пункта помещен вопрос – в какой степени мигранты второго поколения в части общения замыкаются на представителях своей категории, при этом под общением понимается как коллегиальные, приятельские и дружеские отношения, так и брак, и романтическое партнерство. Для ответа на эти вопросы будут проанализированы и установки, и реальные отношения.

В опросе респондентам предлагалось согласиться или не согласиться с высказыванием «Я предпочитаю дружить только с представителями моей национальности». Ответы были перекодированы таким образом, что полное несогласие с данным высказыванием соответствовало значению 0, а полное согласие – значению 3. Значение 1 соответствовало варианту ответа «скорее не согласен», а 2 – «скорее согласен». В расчеты по всем вопросам в разделе (за исключением брачных и романтических отношений) были включены МВП из Закавказья и Средней Азии, отметившие в качестве

своей «национальности» одну из основных закавказских и среднеазиатских переписных категорий (армяне, грузины, азербайджанцы, езиды, кыргызы, таджики, узбеки, уйгуры и проч.), а также «местные» – для сравнения. Согласно расчетам, установки мигрантов второго поколения можно называть инклюзивными – в целом, они находятся посередине между значениями «полностью не согласен» и «скорее не согласен» с таким высказыванием (точное значение – 0,56) (Таблица 8, Рисунок 9, Рисунок 10). При этом среднеазиатские МВП характеризуются чуть более инклюзивными установками в сравнении с закавказскими МВП. Более того, их установки более инклюзивные, чем у местных – у последних среднее значение по этой шкале составляет 1,06, что соответствует варианту «в целом не согласен с высказыванием», однако это значение отстоит от значения у МВП на полградации шкалы. В какой мере, однако, эти установки реализуются в конкретных отношениях?

Таблица 8 – Сравнение средних значений: Согласие или несогласие с высказыванием «Я предпочитаю дружить только с представителями моей национальности» закавказских МВП, среднеазиатских МВП и местных русских респондентов

	N	Среднее	Закавказские МВП	Среднеазиатские МВП	Местные
Закавказские МВП	2159	,58		-,123*	,485***
Среднеазиатские МВП	359	,45	,123*		,608***
Местные	4222	1,06	-,485***	-,608***	
МВП	2518	,56		-0,502***	
Местные	4222	1,06	0,502***		

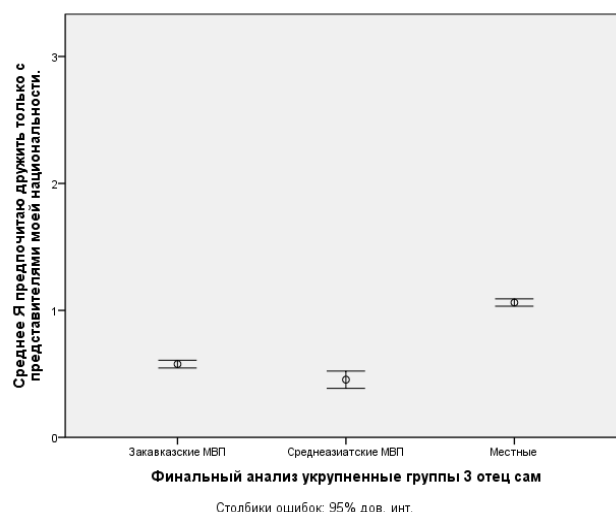

Рисунок 9 – Сравнение средних значений: Согласие или несогласие с высказыванием «Я предпочитаю дружить только с представителями моей национальности» закавказских МВП, среднеазиатских МВП и местных русских респондентов

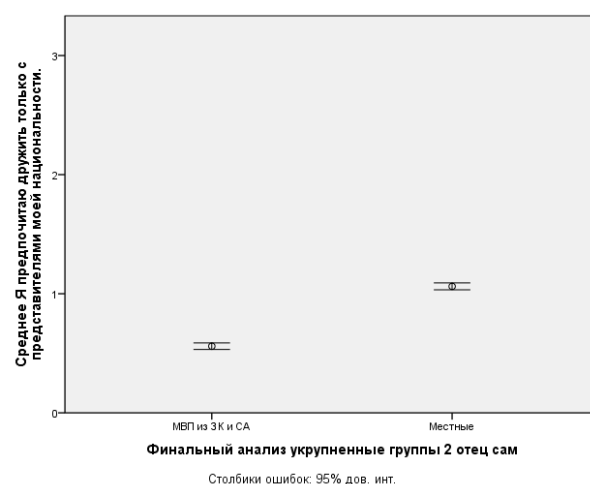

Рисунок 10 – Сравнение средних значений: Согласие или несогласие с высказыванием «Я предпочитаю дружить только с представителями моей национальности» мигрантов второго поколения и местных русских респондентов

В таблице (Таблица 9) и на графике (Рисунок 11) представлен приблизительный процент представителей той же этнической категории в различных кругах общения респондентов. Этот процент был получен следующим образом: значения шкалы, колеблющиеся от 0 до 3 были умножены на 33,3%. Все различия между местными и МВП являются статистически значимыми. Различия между закавказскими и среднеазиатскими МВП значимы только в отношении кругов общения в школе, на учебе и в соцсетях, а также в отношении соседей. Анализ демонстрирует, что, во-первых, местные значительно больше общаются с представителями «своей» этнической категории, более того, следует отметить, что в категорию «местные» включены как «русские», так и «нерусские», последние же зачастую проживают в национальных республиках, и в совокупности у «местных» вероятность, что случайным образом взятый человек в школе или на работе будет представителем «их» этнической категории выше, чем у этнических МВП. Именно этим по большей части объясняется разрыв между местными и МВП в части кругов общения. Вместе с этим в разных кругах общения у МВП представители той же этнической категории представлены в разной степени. В частности, меньше всего представителей той же категории – среди соседей, а больше всего – среди лучших друзей и друзей в соцсетях. В

последнем случае речь идет о поприщах, где МВП имеют больше возможностей для выбора, из чего мы можем заключить, что имеет место т.н. инбридинговая гомофилия, т.е., выбор партнеров в той или иной деятельности, основанный на сознательном или несознательном притяжении подобного, в результате чего представленность в личных сетях представителей «своей» категории будет выше, чем если бы взаимодействующие пары складывались случайным образом.

Таблица 9 – Представители «своей» этнической категории в кругах общения закавказских МВП, среднеазиатских МВП, всех групп МВП и местных русских респондентов

	Круги общения в школе	Круги общения на работе	Круги общения на учебе	Круги общения соцсети	Круги общения друзья	Круги общения соседи
Закавказские МВП	26%	23%	30%	43%	41%	15%
Среднеазиатские МВП	20%	27%	21%	40%	39%	11%
Все МВП	25%	24%	29%	43%	41%	15%
Местные	75%	73%	70%	69%	76%	71%

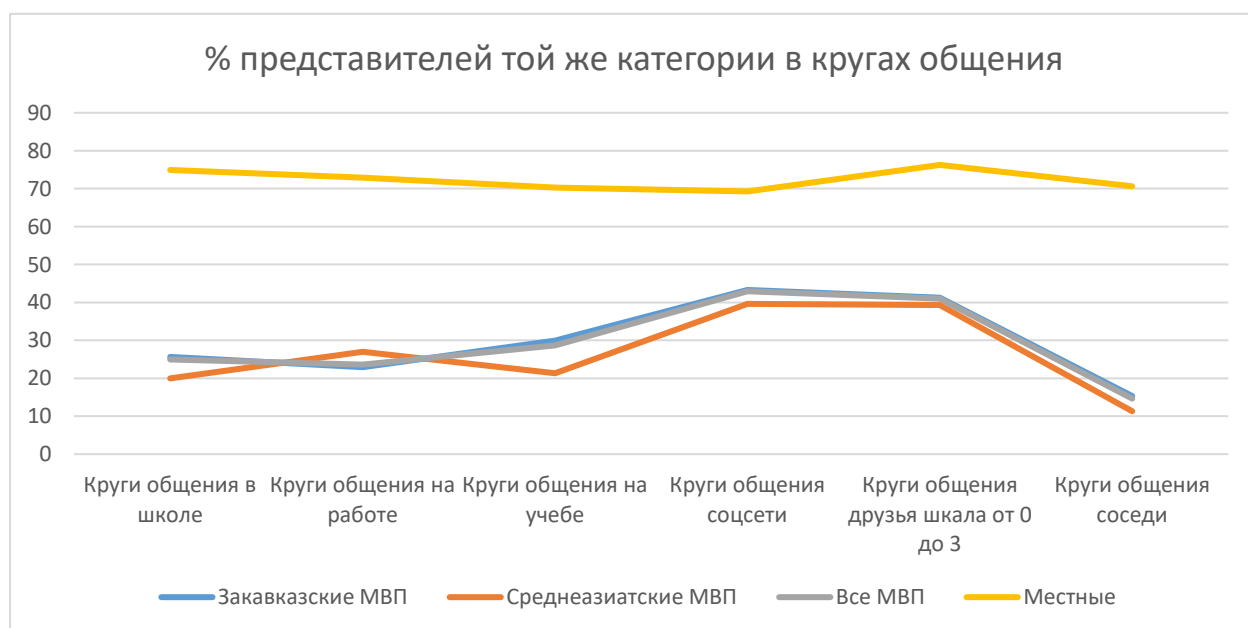

Рисунок 11- Представители «своей» этнической категории в кругах общения закавказских МВП, среднеазиатских МВП, всех групп МВП и местных русских респондентов

Можно проверить эту гипотезу и иным способом – проведя корреляционный анализ и посчитав связь между установками на дружбу с представителями «своей» группы и их представленностью в тех или иных кругах общения. Анализ демонстрирует, что там, где возможность выбора меньше (соседи) связь между переменными значительно слабее, чем там, где респондент может выбирать (друзья) (

Таблица 10).

Таблица 10 – Корреляционный анализ: связь между установками на дружбу с представителями «своей» группы и их представленностью в тех или иных кругах общения

	Я предпочитаю дружить только с представителями моей национальности.
Круги общения в школе	,217***
Круги общения на работе	,196***
Круги общения на учебе	,210***
Круги общения соцсети	,288***
Круги общения друзья	,308***
Круги общения соседи	,088***

Остается, однако, вопрос, в какой степени, если возможность дружить с представителями той или иной категории структурно присутствует, МВП ей обязательно воспользуются. В анкете был вопрос о присутствии в классе представителей этнической категории информанта (Таблица 11). Обязательно ли они дружили?

Таблица 11 – Распределение ответов на вопросы про друзей в школьном возрасте и одноклассников «своей этнической категории» по группам респондентов: закавказские МВП и среднеазиатские МВП

Группы				Дружил ли с представителями "своей" этнической категории в школе		% не друживших с представителями «своей» этнической категории в случае, если они были в классе	Итого	
				Да	Нет			
Закавказские МВП	Учились ли с Вами в классе представители Вашей национальности?	Да	N	1201	249	17%	1450	
			%	47,9%	9,9%		57,8%	
		Нет	N	326	731		1057	
			%	13,0%	29,2%		42,2%	
	Итого			N	1527		980	2507
				%	60,9%		39,1%	100,0%
Среднеазиатские МВП	Учились ли с Вами в классе представители Вашей национальности?	Да	N	148	34	19%	182	
			%	33,6%	7,7%		41,4%	
		Нет	N	61	197		258	
			%	13,9%	44,8%		58,6%	
	Итого			N	209		231	440
				%	47,5%		52,5%	100,0%
Итого	Учились ли с Вами в классе представители Вашей национальности?	Да	N	1349	283	17%	1632	
			%	45,8%	9,6%		55,4%	
		Нет	N	387	928		1315	
			%	13,1%	31,5%		44,6%	
	Итого			N	1736		1211	2947
				%	58,9%		41,1%	100,0%

Анализ демонстрирует, что примерно 17% (чуть больше у среднеазиатских МВП, чуть меньше у закавказских) даже в случае, если представители «своей» категории присутствовали в классе, не дружили с ними. Согласно качественным данным, такое положение вещей распространено в случае, если респондент и его одноклассник – разного пола, разной классовой или разной страновой принадлежности. Приехавший в Москву в 9 классе из Узбекистана У. (м., 21 год, узб., №178) вырос в интеллигентной семье, отучился в Самарканде 8 лет в лучшей в городе гимназии, первым языком считал русский, а вторым – самаркандский (называя так городской диалект, сложившийся на основе таджикского с заимствованиями), в Москве же попал в обычную районную школу; среди его одноклассников был кокандский сельский узбек, но с ним он предпочитал не дружить, не

находя с ним много общего, а общался в итоге с русскими одноклассницами, которые, как и он, интересовались учебой. Два мигранта второго поколения узбекского происхождения – один из Узбекистана, второй из Киргизии (м., 21 год, узб., №224 и №231) – учились в одном классе в одном из поселков ХМАО, но никогда не дружили, периодами открыто конфликтовали – что объясняли, в том числе, тем, что жившие в этом поселке узбеки из Киргизии и Узбекистана плохо относились друг к другу. Девушка азербайджанского происхождения (3, ж., 26 лет, азерб., Иркутская область, №408), выросшая в Иркутске, училась вместе с азербайджанцем, но не могла с ним дружить из-за ограничений на общение девочек с противоположным полом:

Из азербайджанцев только я училась получается и один мальчик, при чем тоже из Грузии. И... Ну, у нас нет такого, чтоб мы с мальчиками дружили. <...> У нас в детстве помню соседи тоже наши были, тоже с Грузии. И там мальчики были, и они звали своих мальчиков друзей, и собирались в общую компанию, в теннис играли, смотрели, угорали, хорошо общались. Когда уже постарше были, как-то было такое, я с дядей проходила, и они навстречу шли. Ну, я поздоровалась. Мне тогда было лет 14 где-то так. Я поздоровалась, друг детства, что не поздороваться. Меня дядя так отругал: «Ты что с мальчиками здороваешься?». Потом объяснил мне, что нельзя так, что с мальчиками у нас не дружат, даже не здороваются, на это плохо будут смотреть. Но сейчас я понимаю, да, среди взрослых... Но тогда для меня это очень дико было, это же друг детства, как это я не буду с ним здороваться. Но потом они тоже это поняли, видимо им тоже сказали. Мы, когда друг друга видим просто проходим, типа не замечаем.

Напротив, некоторая часть респондентов дружила в школе с представителями своей категории, даже если их не было в классе. Механизмы складывания таких дружб можно проиллюстрировать следующим отрывком из интервью с Б. (м., 25 лет, арм., Иркутская область, №400):

Р: С детства я общался с друзьями отца, они были все армяне практически. Наоборот у меня с детства были друзья армяне, а потом в процессе становления превратился круг в более

обширный, появилось много русских, бурятов, азербайджанцев. А с детства мы в основном общались армянским кругом. <...>

И: А ваш круг в школьное время?

Р: В школьное время, это были друзья мои, это были армяне, сыновья друзей отца. То есть мы с ними подружились. Ну, там соседи мои. Вот, как Э. сказал, мы видели армянина – знакомились. Вот также и у меня. Но одноклассников и однокурсников армян, у меня к сожалению, не было. <...> Я сильно хотел, чтобы у меня были армяне, но в ни в школе, ни в институте. Вообще ни одного. Парадоксально, но так.

Можно таким образом говорить о том, что круги общения мигрантов второго поколения отнюдь не являются этнически эксклюзивными, и в них в абсолютном большинстве случаев будут присутствовать представители прочих этнических категорий, в то же время среди них распространена установка на поддержание отношений с представителями «своей» категории, что будет проявляться в этнической принадлежности собеседников в соцсетях и лучших друзей. Вместе с этим доля МВП, которые заявляют о том, что все их лучшие друзья представители «их» категории невелика и составляет порядка 15%. Из качественного исследования, кроме того, известно, что существенная доля таких друзей, равно как и собеседников в соцсетях – это члены семьи, которые лишь во вторую очередь являются представителями той же этнической категории, с которой себя связывает респондент. В целом, таким образом, можно говорить о том, что замкнутые этнические сообщества мигрантов второго поколения даже несмотря на присутствующую среди некоторой их части на преимущественную дружбу с представителями «своей» категории не складываются, и, хотя моноэтнические дружеские круги имеют место, они «раскупориваются» посредством коммуникации на прочих поприщах, в которых МВП принимают участие на протяжении всей жизни – в школе, на работе и в районах проживания.

С учетом сильной внутренней согласованности между разными кругами общения (для четырех переменных, которые охватывают максимальное количество респондентов – школа, соцсети, друзья, соседи – альфа Кронбаха = 0,857) для наглядности было решено сделать индекс кругов общения. Он был сделан путем сложения значений указанных переменных (они колеблются от 0 до 3) и деления результата на 4 (

Таблица 12, Рисунок 12, Рисунок 13).

Таблица 12 – Индекс кругов общения

	N	Среднее	Закавказские МВП	Среднеазиатские МВП	Местные
Закавказские МВП	1960	,947		-,1472***	1,2474***
Среднеазиатские МВП	324	,800	,1472***		1,394***
Местные	3912	2,195	-1,247***	-1,394***	
МВП из ЗК и СА	2284	,926		-1,268***	
Местные	3912	2,195	1,268***		

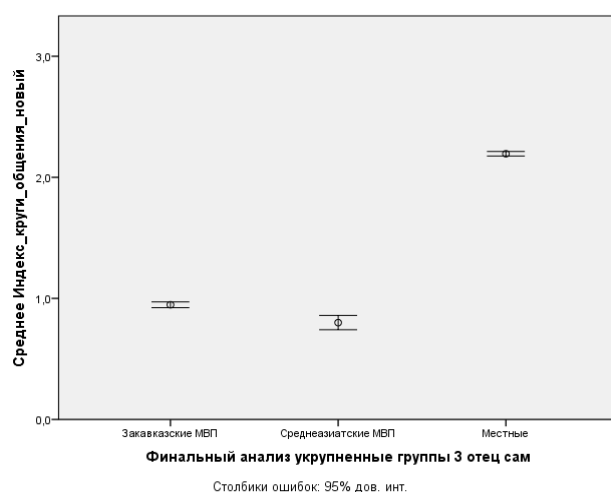

Рисунок 12 – Индекс кругов общения
(закавказские МВП, среднеазиатские
МВП, местные)

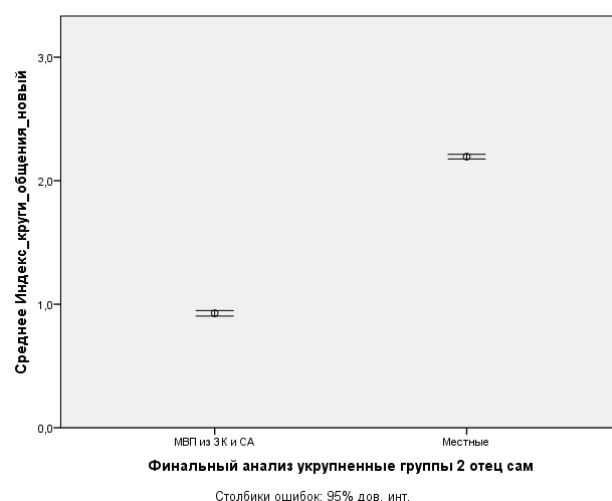

Рисунок 13 – Индекс кругов общения
(МВП и местные)

Результаты сравнения средних повторяют результаты анализа, агрегированного по кругам общения – в среднем у МВП в кругах общения «только некоторые» являются представителями «их» этнической категории, при этом МВП из Средней Азии, хотя средние отличаются на десятые доли градации шкалы, чуть больше тяготеют к отсутствию представителей «своих» категорий в кругах общения, чем МВП из Закавказья.

В какой степени, однако в исследуемых группах присутствуют установки на моноэтнические браки и романтические отношения и в какой степени эти установки реализуются? Косвенным образом об установках можно судить по распределению ответов на вопрос о «национальности» гипотетического супруга дочери. Здесь и до конца пункта для расчетов группы выделены по месту рождения и национальности отца.

Согласно расчетам, различий в этой установке между среднеазиатскими МВП и местными – нет, в то же время обе эти группы отличаются от закавказских МВП, среди которых полное или частичное согласие с такой позицией присутствует более чем в половине случаев (Таблица 13). Анализ средних (см. Рисунок 14) в том случае, если перекодировать значения переменной таким образом, что полное согласие с этим утверждением становится значением 3, а полное несогласие – значением 0, также указывает большую распространенность этой позиции среди МВП из Закавказья. Вместе с этим, согласие с этим утверждением как минимум частично может являться культурным кодом и актом идентификации со «своей» этнической категорией, а не руководством к действию в жизни. Например, выросший в азербайджанской семье в Тюмени холостой 26-летний Н. (м., 26 лет, азерб., Тюменская область, №312) хотел бы жениться, но далее он сталкивается со следующей дилеммой. С одной стороны, он думает, что жениться надо на азербайджанке, и именно этого от него ждут все родственники, особенно из-за того, что он последний в их роду мужчина (он единственный сын в своей семье, а у остальных братьев его отца – только дочери), а с другой стороны, опыт ухаживания за девушками азербайджанского происхождения у него – негативный, и в целом, он хотел бы чего-то «особенного». В результате, в силу возраста он начинает думать о том, что, может быть, так случится, что он женится на девушке другой «национальности». Другой информант объяснял, что жена той же «национальности» важна для того, чтобы сохранить «народ»: *«У нас большая история, великие предки, вот как раввин говорит, что он передает своему ученику и он должен продолжить, да? Так же и я вижу так. В современном мире стираются грани национальной идентичности. С точки зрения*

христианства, это неплохо, мы все равны, мы все должны быть людьми, но, допустим, я, для меня понятие народа, культ народа, грешно, чуть выше, чем религии» (У., м., 29 лет, арм., Тверская область, №41). В какой степени, однако, мигранты второго поколения сами вступают в супружеские и романтические отношения с представителями других категорий?

Таблица 13 – Кросс-табуляция: Согласие или несогласие с высказыванием «Я выдам свою дочь замуж только за представителя моей национальности» по группам респондентов: закавказские МВП, среднеазиатские МВП, все группы МВП и местные

Я выдам свою дочь замуж только за представителя моей национальности		Закавказские МВП	Среднеазиатские МВП	Все МВП	Местные	Хи-квадрат
Полностью согласен	N	823	109	932	1290	119,775*** при сравнении отдельно по группам, 71,569*** при сравнении всех МВП и местных
	%	30,3%	19,8%	28,5%	21,5%	
Скорее согласен	N	670	107	777	1395	
	%	24,7%	19,5%	23,8%	23,2%	
Скорее НЕ согласен	N	760	197	957	1928	
	%	28,0%	35,8%	29,3%	32,1%	
Полностью НЕ согласен	N	465	137	602	1391	
	%	17,1%	24,9%	18,4%	23,2%	
Итого	N	2718	550	3268	6004	
	%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	

Рисунок 14 – Кросс-табуляция: Согласие или несогласие с высказыванием «Я выдам свою дочь замуж только за представителя моей национальности» по группам респондентов: закавказские МВП, среднеазиатские МВП, все группы МВП и местные

Согласно данным, среднеазиатские МВП в части национальности супруга не отличаются от закавказских МВП, равно как и пэттерны, связанные с этнической принадлежностью романтического партнера, у этих двух групп практически идентичны (

Таблица 14). Более того, гендерное распределение в части этнической принадлежности романтического партнера у этих групп также не отличается – лишь у порядка трети мужчин романтические партнерши связаны с той же этнической категорией, что и респонденты, для женщин же в обеих группах эта доля составляет чуть менее двух третей. В ходе качественного этапа исследования информанты не раз отмечали, что представление о невозможности для девушки выйти замуж за представителя «чужой» национальности усваивается с детства, в результате чего девушки перестают даже воспринимать молодых людей из числа представителей других этнических категорий в романтическом свете – как рассказала девушка, выросшая в азербайджанской семье в Новом Уренгое (ж, 26 лет, азерб., ЯНАО, №368): *«Знаете, это уже заложено, что не отдадут. Нашим парням-то еще можно как-то, они на русских женятся, ... а у нас уже заложено, у девочек, что нельзя, запрет, всё, поэтому даже и не смотрят, как-то всерьез не воспринимают никого. У меня точно так же, не воспринимаю никого, даже не смотрю в сторону. Даже если общаюсь – с тем же однокурсником [по словам информантки, он был русский и намекал на возможность встречаться] – это просто однокурсник, друг, всё, больше ничего не может быть. Даже мыслей не бывает, чтобы другим взглядом на него посмотреть, такого не бывает».*

Таблица 14 – Распределение ответов на вопрос об этнической категории супруга или партнера по группам респондентов закавказские МВП, среднеазиатские МВП и местные

	Закавказские МВП				Среднеазиатские МВП				Местные				Хи-квадрат
	м	ж	Все	N	М	ж	Все	N	м	ж	Все	N	
Супруг той же национальности	48%	63%	56%	551	65%	53%	58%	127	69%	72%	71%	2697	48,638***
Романтический партнер той же национальности	31%	63%	48%	730	34%	61%	46%	169	68%	63%	65%	1628	75,273***

Молодые люди из числа мигрантов второго поколения, согласно глубинным интервью, избегают романтических отношений с девушками «своей» этнической категории: например, О. (м., 23 года, Азерб., №362), по его признанию, никогда не рассматривал для «несерьезных отношений», поскольку «проблем не оберешься» – все в его городе всех знают, и такие новости мгновенно распространяются.

Можно, таким образом, утверждать, что мигранты второго поколения, хотя, в целом, ценят личные отношения с представителями своей группы, на них замыкаются редко, и на учебе и на работе обязательно общаются с кем-то другим. Браки, в целом, заключаются чаще с представителями той же категории, и существенной разницы в гендерном разрезе не фиксируется, а романические отношения сильно отличаются у мужчин и у женщин, и молодые люди чаще встречаются с девушками, связанными с прочими этническими категориями.

2.3 Культурная интеграция

Пункт о культурной интеграции призван ответить на вопросы о том, насколько мигранты второго поколения отличаются от местных в части культурных пэттернов, а также в какой степени эти пэттерны меняются со временем и в принципе имеют потенциал к изменению. Для ответов на эти вопросы, во-первых, приведен анализ различий между группами в ответах на вопросы о наиболее ярких культурных нормах – гендерных и брачных, во-вторых, показано, в какой степени эти нормы воспроизводятся через поколения и, в-третьих, продемонстрировано, в какой степени те или иные нормативные пэттерны связаны с продолжительностью жизни в России.

Культурная интеграция – это сложный нелинейный процесс, в рамках которого мигранты зачастую «навигируют» между разными культурными пэттернами. В типичном случае мигрантов второго поколения эти разные пэттерны предстают в виде семейных норм и норм принимающего общества. Принимающее же общество не является абстракцией, а проявляется в ходе коммуникации МВП с соседями, одноклассниками, коллегами по работе и проч. С учетом того, что Россия – большая и многонациональная страна, опыт взаимодействия с «культурой принимающего общества» у МВП может существенно различаться в зависимости от контекста этого взаимодействия. Тем не менее, в качественном исследовании в интервью воспроизводился образ «русской культуры», от которого МВП могли отталкиваться в

самопозиционировании или просто констатировать определенные ее пэттерны. Элементы этого образа – включают в себя, например, то, что в России женщины не умеют готовить (Г., ж., 20 лет, арм., Краснодарский край, №150), в России «нет ориентации на семью» (Д., м., 30 лет, тадж., Тюменская область, №242), русские на досуге «ходят в кальянную и пить» (Б., ж., 20 лет, азерб., Тюменская область, №246).

Для данного анализа, однако, важнее объективные отличия от культурных пэттернов, распространенных среди разнообразного немигрантского населения России. В связи с этим было принято решение сравнить как две группы – местных и МВП, так и четыре группы – закавказских и среднеазиатских МВП, местных русских и местных нерусских, при том, что в последняя группа также крайне разнородна и в нее попали те, кто отметил, что их отец, например, поляк, аварец, еврей или татарин. Вместе с этим наша выборка (для категории «местные») общих чертах воспроизводит национальный состав России: вслед за «русскими» в массиве располагаются татары, украинцы, башкиры и чуваша, и, хотя национальный состав «местных нерусских» довольно пестрый, как и в России в целом, в нем преобладают представители кавказских и волжских национальных категорий. На основании всего этого, вопрос о схожести культурных пэттернов следует сформулировать несколько точнее – в какой степени МВП отличаются от местных – в целом, а также отдельно русских и нерусских.

В отношении гендерных норм можно утверждать, что единственная значимая разница по зафиксирована между «местными русскими» и прочими группами, в том числе как среднеазиатскими, так и закавказскими мигрантами второго поколения, при этом две последние группы по большинству вопросов не отличаются от «русских неместных» (

Таблица 15, Рисунок 15, Рисунок 17). Эти три группы более консервативны и чаще соглашались с тем, что, если муж зарабатывает меньше жены, для него это позор, а также реже соглашались с тем, что для женщины важно реализовать себя в профессии. Единственное высказывание, в распределении реакций на которое есть разрыв между «этническими» группами – это высказывание «если в семье достаточно денег, женщине не нужно работать». С этим существенно чаще прочих групп соглашались среднеазиатские МВП, закавказские же МВП, а также местные нерусские, хотя и отличаются от местных русских, это отличие меньше, чем от среднеазиатских МВП. В то же время следует отметить, что, хотя местные русские в сравнении с прочими группами менее консервативны, назвать среднее значение по этой группе «либеральным» довольно сложно: например, согласных с высказыванием, согласно которому в семье все решения должен принимать муж, среди местных русских примерно столько же,

сколько несогласных. Анализ различий между МВП и местными в целом позволяет говорить о том, что МВП чуть консервативнее местных, однако этот разрыв невелик (Рисунок 16, Рисунок 18).

Таблица 15 – Средние значения ответов на гендерные вопросы и вопросы о брачных практиках закавказских МВП, среднеазиатских МВП, всех групп МВП, местных русских, местных нерусских и всех групп местных респондентов

	Если денег в семье достаточно, женщины не нужно работать ³	Для женщины важно реализовать себя в профессии	Если муж зарабатывает меньше жены, это позор для него	В семье все решения должны принимать муж	Виньетка – по достижении возраста трех лет жене возвращаться на работу	До свадьбы мы ни разу не целовались	Решение о нашей свадьбе было принято за нас нашим и родителями	На нашей свадьбе были мои родственники, которых я никогда не видел(а)	Мы познакомились в интернете (в соцсетях, на сайтах знакомств и проч.)
Закавказские МВП	1,59	2,11	1,23	1,68	,45	,20	,10	,25	,33
Среднеазиатские МВП	1,81	2,15	1,27	1,65	,50	,18	,17	,31	,31
Местные русские	1,48	2,01	1,04	1,42	,35	,08	,10	,15	,29
Местные нерусские	1,59	2,07	1,30	1,67	,42	,17	,19	,29	,39
Все МВП	1,63	2,12	1,24	1,67	,46	,20	,11	,26	,32
Все местные	1,50	2,02	1,09	1,47	,37	,10	,12	,18	,31

³ Для первых четырех вопросов шкала средних варьируется от 0 (полное несогласие с высказыванием) до 3 (полное согласие с высказыванием), при этом шкала для вопроса 2 (реализация в профессии) является перевернутой. Шкала для остальных пяти вопросов – от 0 (несогласие с высказыванием) до 1 (согласие с высказыванием).

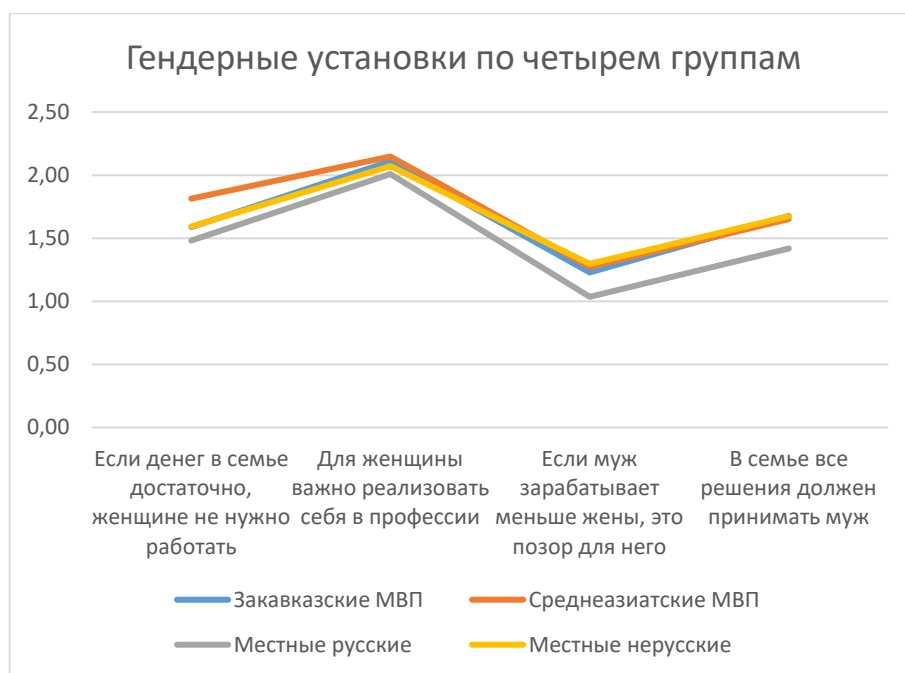

Рисунок 15 – Гендерные установки закавказских МВП, среднеазиатских МВП, местных русских и местных нерусских респондентов

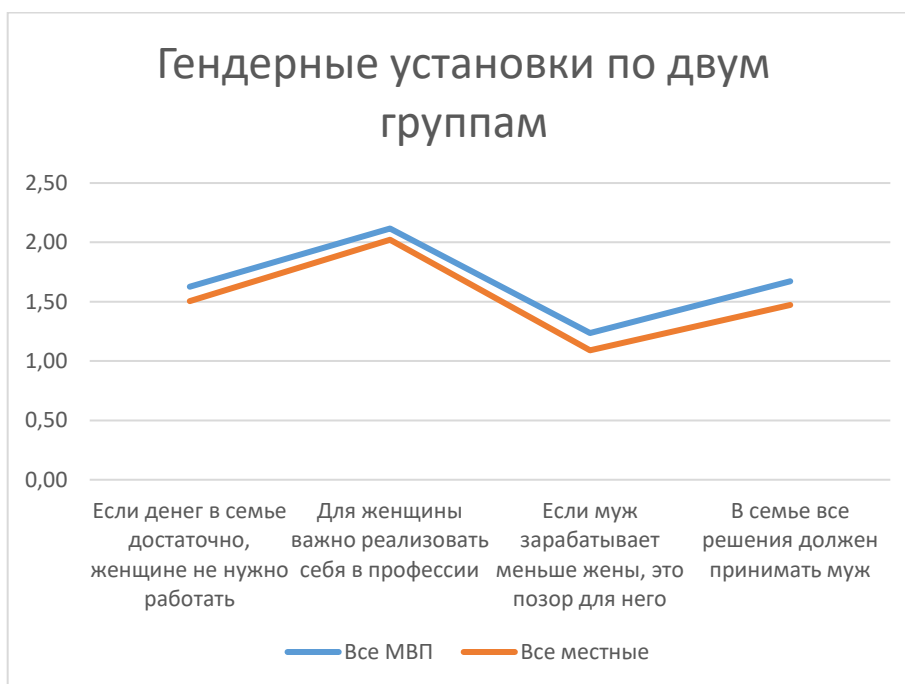

Рисунок 16 – Гендерные установки МВП и местных респондентов

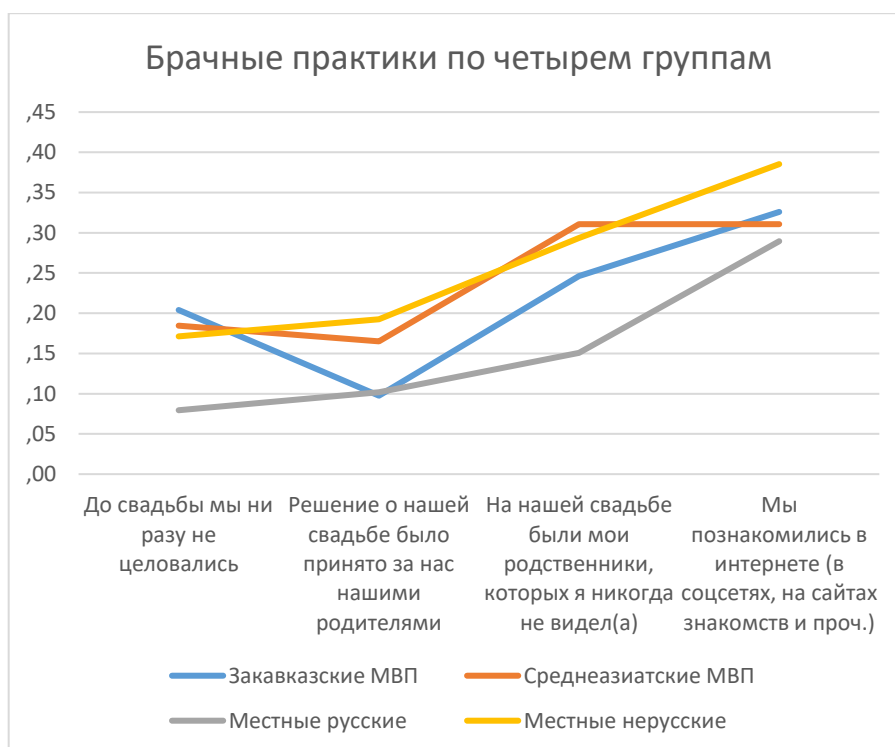

Рисунок 17 – Брачные практики закавказских МВП, среднеазиатских МВП, местных русских и местных нерусских респондентов

Рисунок 18 – Брачные практики МВП и местных респондентов

Интересные пэттерны выявил анализ вопросов о браке, которые задавались только женатым и замужним респондентам. Хотя, в целом, тенденция сохраняется, и МВП являются более консервативными, чем местные, местные русские по большинству вопросов отличаются от прочих групп, а местные нерусские скорее похожи на МВП из Закавказья и Средней Азии, чем на местных русских, есть ряд тенденций, за которыми могут скрываться новые культурные модели, складывающиеся в ходе культурной интеграции. В частности, если не целовались до свадьбы 15-20% «нерусских» респондентов (МВП и местных), и около 8% местных русских, решение о свадьбе за молодоженов принималось родителями в схожей доле случаев (16% и 19% соответственно) только у местных нерусских и среднеазиатских МВП, а значение закавказских МВП идентично значению местных русских и составляет 10%. Среднеазиатские МВП также больше похожи на местных нерусских, чем на закавказских МВП в распределении ответов на вопрос о родственниках на свадьбе и чаще этой группы, а также значительно чаще местных русских на своей свадьбе знакомились с родственниками. Косвенным индикатором консервативности (впрочем, не только ее), кроме того, может служить распространенность практики знакомств в интернете. По этому критерию МВП не отличаются ни от местных русских, ни от местных нерусских, а вот различия между этими двумя группами, напротив, значимы, и местные нерусские превосходят местных русских по этому критерию.

Что стоит за этими ответами? Как происходят знакомства в интернете, как заключаются браки без каких-либо интимных контактов жениха и невесты до свадьбы среди мигрантов второго поколения? Установка на то, что все интимные контакты, включая поцелуи, должны происходить только после свадьбы, связана с необходимостью абсолютной чистоты девушки, поскольку репутация девушки напрямую отражается на репутации ее жениха. В ходе групповой дискуссии молодые люди азербайджанского происхождения, выросшие в Москве, обсуждали, почему они до сих пор не женаты – хотя им уже больше 25 лет, и объясняли это тем, что очень большой риск встретить девушку-азербайджанку, собратиться на ней жениться, но узнать, что она с кем-то ходила в кино и целовалась. П. (м., 23 года, арм., Краснодарский край, №62) рассказывал про шутки своих двоюродных братьев, которые задают друг другу «сложные вопросы»: *«ты ее целуешь, а ты уверен, что она нецелованная? А если миллион дам, возьмешь в жены невественницу?»* В рамках этой консервативной модели девушка, кроме того, не должна проявлять инициативу и показывать, что ей молодой человек понравился. Более того, в консервативных семьях девушки в принципе ограничены в возможностях знакомиться и общаться с противоположным полом, и социальные сети в этом смысле

становятся пространством свободы, хотя и относительной. В ходе интервью с двумя девушками, выросшими в азербайджанских семьях в Тюменской области, а также в ходе групповой дискуссии с девушками армянского происхождения в Сочи, возникали обсуждения того, как возможно познакомиться с молодым человеком – так, чтобы соблюсти все приличия, но при этом иметь возможность с ним пообщаться не под строгим присмотром взрослых. Одни признавали, что социальные сети – это один из немногих вариантов, а другие этот вариант отметали, впрочем, взамен они ничего предложить не могли, кроме, разве что, вмешательства сверхъестественных сил. При этом знакомство в социальных сетях тоже предполагает определенный набор правил – как рассказала информантка, выросшая в ХМАО в талышской семье (ж, 16 лет, азерб., Тюменская область, №297), если понравился парень – то нельзя его добавлять в социальных сетях, и нельзя быстро одобрять запрос на дружбу; необходимо подождать, пока он поставит некоторое количество «лайков», лайкнуть в ответ – и только после этого можно добавлять друг друга в друзья. Таким образом, социальные сети – это пространство, поведение в котором тоже регламентируется, но оставляет возможность для знакомства и общения в ситуации, когда остальные способы знакомств недоступны или сильно ограничены.

В какой степени происходит межпоколенческий дрейф ценностей? Для ответа на этот вопрос на основании переменных, описывающих гендерные установки родителей и детей, было создано две переменные – гендерные установки родителей и гендерные установки детей – каждая из которых имела три позиции: консервативные, нейтральные и либеральные. Далее была осуществлена кросстабуляция по родителям и респондентам, а также создана новая переменная, оценивающая межпоколенческую динамику «шагами» (Таблица 16). В частности, если респондент воспитывался в консервативной семье, а сейчас исповедует либеральные взгляды, его градация это «сделал два либеральных шага». По аналогии были созданы прочие градации.

Таблица 16 – Кросс-табуляция ответов родителей респондентов и респондентов на гендерные вопросы

Родители и респондент в гендерных вопросах			Респондент в гендерных вопросах			Итого
			Консервативный	Нейтральный	Либеральный	
Родители респондента в гендерных вопросах	Консервативные	N	447	696	351	1494
		%	13,5%	21,0%	10,6%	45,0%
	Нейтральные	N	288	550	445	1283
		%	8,7%	16,6%	13,4%	38,7%
	Либеральные	N	61	194	287	542
		%	1,8%	5,8%	8,6%	16,3%
Итого		N	796	1440	1083	3319
		%	24,0%	43,4%	32,6%	100,0%

Большинство мигрантов второго поколения из Закавказья и Средней Азии выросли в консервативных семьях (45%). В чем выражается консерватизм? Один из наиболее ярких примеров консервативной семьи – семья Л. (ж., 19 лет, арм., Москва, №1):

Р: Родные у меня два брата. Одному брату двадцать три года, и второму четыре.

И: Девочек нет?

Р: Нет.

И: Поэтому на Вас такое пристальное внимание?

Р: Да. И со стороны брата, и со стороны отца.

И: Кто более жесткий?

Р: Жесткий? Более строгий отец, более жесткий брат. Объясню разницу. Отец может спокойно сказать: «Нет, ты туда не пойдешь». Я не буду спорить, это нормально. А брат докапывается до всего. Допустим, я надену какое-то платье

облегающее. Когда мы пойдем гулять, он до этого платья докопается. А отец сразу скажет «снимай», спокойно.

И: У вас нет облегающих платьев, да, в гардеробе?

Р: Одно есть.

И: Как вы одежду выбираете, с мамой?

Р: Нет, сама. Сама уже себе не позволяю носить то, что, я знаю, будет вульгарно выглядеть, не понравится отцу, не понравится брату, я не смогу в этом, допустим, в ресторане танцевать. А на каждый день главное, чтобы одежда закрытая была.

И: Топик какой-нибудь, майка?

Р: Чтобы ничего не было видно. Рукава – нет, без проблем. Юбки до колена. Выше колена шорты можно. Удивительно, но отец разрешает мне носить шорты, даже короткие.

И: Надо пользоваться!

Р: Но сейчас мне уже самой некомфортно, выросла.

И: Но лет в четырнадцать?

Р: Да. Купальники – я не особо купаюсь, чтобы их носить. Допустим, в деревне если мы ходили в озере купаться, то топик, шорты обязательно тоже. Там были парни, которые заглядываются, и это очень плохо. Здесь я не хожу в бассейн. Не умею плавать. Купальник есть, но я его не ношу, некуда его носить.

И: То есть если вечеринка в бассейне с девочками, только тогда?

Р: Вечеринка?

И: Ну, условно. Типа сауны, бассейна?

Р: Туда мне тоже нельзя. Недавно был день рождения моей подруги, там была вся ее семья, это ресторан был. Человек сто там было. Там были все наши друзья, парни, девочки. Отец с большим трудом мне разрешил. Были слезы, скандалы, но всё-таки он разрешил. Всё обошлось спокойно.

Сами мигранты второго поколения, однако, придерживаются консервативных взглядов реже родителей – только в 24% случаев, нейтральная и либеральная гендерные позиции в этих вопросах среди них распространены в большей степени (Таблица 17). Наиболее частотный шаг – это шаг от консервативной позиции семьи к личной нейтральной позиции (21% случаев), реже всего осуществляется переход от либеральной позиции родителей к личной нейтральной позиции. Примерно в 40% случаев сохраняется примерный статус кво. Кто, однако, с большей вероятностью, социализировавшись в консервативной семье, не будет придерживаться консервативных позиций: среднеазиатские или закавказские МВП? Согласно вычислениям, консерваторами родившиеся в консервативных семьях закавказские МВП остаются только в 29% случаях, а среднеазиатские – в 34%. Более того, закавказские МВП из таких семей чаще встают на выраженные либеральные позиции: в 24% случаев против 17% у среднеазиатских МВП. Проиллюстрируем эти переходы материалами глубинных интервью. Во-первых, в случае, если родители придерживаются консервативных взглядов, а сами информанты – нейтральных или либеральных – могут возникать конфликты: *«Для них план жизни расписан – это окончить универ, жениться (причём только на своей), что я, конечно же, делать не буду, завести как можно скорее детей и все, а я как бы этого не хочу лет до 35, допустим. И часто возникают ссоры. У меня есть свои планы на жизнь и цели»* (К., м., 20 лет, азерб., Тюменская область, №339). Во-вторых, родители могут придерживаться консервативных взглядов, а их дети могут часть этих установок отвергать, а другой части придерживаться в своей жизни. Например, по поводу внешнего вида постоянно конфликтует с родителями Р. (ж., 25 лет, азерб., Тюменская область, №376), она наперекор родителям красит волосы в красный цвет и бреет виски, спорит с родителями по поводу возможности самостоятельно принимать решения, пугает их тем, что она атеистка, но – с женихом откладывает сексуальные отношения до свадьбы, хотя родителям сразу сказала, что после первой брачной ночи смотреть простыню на предмет наличия крови не даст. В-третьих, могут быть ситуации, когда родители придерживаются более либеральных взглядов, чем их дети: например, в семье армян, переехавших в Москву, дочка, выросшая уже в России, считает, что ее мама одевается не так, как положено скромной армянской женщине – и иногда просит ее надеть более закрытую одежду (Б., ж., 23 года, арм., Москва, №20).

Таблица 17 – Гендерные установки респондентов по группам мигрантов второго поколения: закавказские МВП и среднеазиатские МВП

Дети консервативных родителей в гендерных вопросах		Респондент в гендерных вопросах		
		Консервативный	Нейтральный	Либеральный
Закавказские МВП	N	383	606	319
	%	29,3%	46,3%	24,4%
Среднеазиатские МВП	N	64	65	32
	%	34,4%	48,4%	17,2%

Важно отметить (см. Таблица 18), что есть существенные гендерные различия в части динамики позиции по гендерным вопросам. Так, мужчины гораздо чаще остаются на позициях родителей или – делают шаги в сторону более консервативной позиции, женщины наоборот – более чем в 50% случаев (против 32% у мужчин) оказываются более либеральных взглядов, чем их родители

Таблица 18 – Межпоколенческая динамика в гендерных вопросах по полу

Межпоколенческая динамика в гендерных вопросах		Мужской пол	Женский пол	Итого
Сделал два консервативных шага	N	30	31	61
	%	2,3%	1,5%	1,8%
Сделал один консервативный шаг	N	278	204	482
	%	21,5%	10,1%	14,5%
Остался на тех же позициях	N	572	712	1284
	%	44,1%	35,2%	38,7%
Сделал один либеральный шаг	N	364	777	1141
	%	28,1%	38,4%	34,4%
Сделал два либеральных шага	N	52	299	351
	%	4,0%	14,8%	10,6%
Итого	N	1296	2023	3319
	%	100,0%	100,0%	100,0%

Можно, таким образом, говорить о том, что консервативная позиция, которой характеризуются родители МВП далеко не всегда воспроизводится в поколении детей, и ценностные изменения через поколение происходят.

В какой степени, однако, гендерные установки различаются в зависимости от того, родился мигрант в России или нет и, если нет, от возраста, когда он был перевезен, то есть от поколения в миграции в узком смысле? Согласно устоявшейся терминологии, вторым поколением в узком смысле называются те, кто родился в стране, куда переехали его родители, 1,75 это те, кто переехал в принимающую страну, будучи дошкольником, 1,5 – это те, кто оказался в принимающем обществе в возрасте 7-13 лет, а 1,25 – это те, кто приехал после этого, но до совершеннолетия. Кроссекционный анализ является грубым способом измерения динамики установок со временем, однако позволяет сделать обоснованное предположение о явлении (Таблица 19). Согласно анализу, не зафиксировано различий между гендерными установками поколений 2, 1,75 и 1,5, в то же время респонденты из поколения 1,25 отличаются от всех прочих респондентов и разделяют более консервативные позиции. Таким образом, можно предположить, что ценностный дрейф происходит с большей вероятностью в случае, если переезд произошёл до 14 лет. Качественные данные позволяют проиллюстрировать такой переход внутри одной семьи. В семье Д. (ж., 23 года, тадж., Тюменская область, №356) помимо нее, есть еще две сестры, одна из них – младше на 2 года, другая – на 9 лет; в России Д. пошла в 7 класс, а ее средняя сестра – в 5 класс. Информантка отмечает отличия себя от сестры: сестра с большей легкостью надевает короткую и открытую одежду и вышла замуж не за таджика, а за чуваша, с которым познакомилась на работе.

Таблица 19 – Кросс-табуляция: Гендерные установки респондентов по поколениям мигрантов

Гендерные установки респондента		Поколение				Хи-квадрат
		2	1,75	1,5	1,25	
Консервативная	N	469	187	115	20	9,462
	%	24,1%	23,8%	22,7%	27,8%	
Нейтральная	N	842	339	217	40	
	%	43,3%	43,1%	42,9%	55,6%	
Либеральная	N	633	261	174	12	
	%	32,6%	33,2%	34,4%	16,7%	
Итого	N	1944	787	506	72	
	%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	

В целом, таким образом, можно говорить о том, что, во-первых, мигранты второго поколения действительно несколько отличаются в части гендерных и брачных норм от местных, однако, во-первых, местные, в том числе «русские» в этом отношении далеко не

являются «либералами», и разрыв между МВП и местными, в общем, небольшой, во-вторых, некоторыми пэттернами МВП из Закавказья больше походят на местных русских, чем на МВП из Средней Азии, а последние, в свою очередь, в некоторых аспектах идентичны в своей позиции местным нерусским, по части вопросов демонстрирующих наиболее консервативные позиции. Вместе с этим, МВП уже зачастую совершили большой шаг в сторону более либеральных установок в сравнении с их родителями, и можно говорить о том, что межпоколенческий ценностный переход происходит. Его объектом, однако, в меньшей степени становится т.н. поколение 1,25, то есть те люди, которые приехали в Россию в возрасте от 14 до 18 лет.

2.4 Идентификационная интеграция

Ключевым вопросом данного пункта является вопрос о лояльности мигрантов второго поколения России. Переформулируя этот тезис, можно говорить о том, что мигранты второго поколения как правило в той или иной степени транснациональны, то есть за счет разных практик связаны одновременно с Россией и страной происхождения родителей, и в этой связи возникает вопрос об эксклюзивности или инклюзивности их национальных и государственных идентичностей. Важно в свете этого понимать, в какой степени транснациональное поведение или сильная этническая идентичность «мешает» эмоциональной связи МВП с Россией. Нужно отметить, что качественное исследование позволяет говорить о разбросе указанного признака. Хорошим его индикатором является поддержка той или иной спортивной команды на крупных соревнованиях. Некоторым информантам задавался вопрос о том, кого они поддерживают на олимпийских играх и ответы варьировались. В частности, Б. (м, 22, арм., Москва, №4), родившийся и выросший в Москве в семье азербайджанских армян, поддерживает прежде всего Армению, а уж затем Россию, а В. (ж, 22, аз, ХМАО, №244) болеет в первую очередь за Россию, а «по остаточному принципу» за Азербайджан. В какой степени среди МВП представлены двойные лояльности и насколько они эксклюзивны?

Респондентам был задан вопрос о том, где они чувствуют себя своими с вариантами ответов «в России», «в стране происхождения родителей», «в обеих странах», «ни в одной из стран» (см.

Таблица 20). Анализ распределений показал, что, абсолютное большинство «голосов» (около 80%) примерно поровну распределилось между первым и вторым вариантами ответов, 10% –

чувствуют себя своими только в стране происхождения родителей, а еще порядка 8% ощущают себя маргиналами и не чувствуют себя своими ни в России, ни в стране происхождения родителей. Эти цифры характеризуют МВП как из Закавказья, так и из Средней Азии, и разницы между этими группами не зафиксировано.

Таблица 20 – Кросс-табуляция: Ответы на вопрос «Где Вы в большей мере чувствуете себя своим?» по группам мигрантов второго поколения: закавказские МВП и среднеазиатские МВП

Чувствует себя своим		Финальный анализ укрупненные группы 3 отец		Итого
		Закавказские МВП	Среднеазиатские МВП	
В России	N	1222	264	1486
	%	41,9%	42,1%	41,9%
В стране происхождения родителей (одного из родителей)	N	310	64	374
	%	10,6%	10,2%	10,6%
Я чувствую себя своим в обеих странах	N	1167	242	1409
	%	40,0%	38,6%	39,8%
Я не чувствую себя своим ни в России, ни в стране происхождения родителей	N	217	57	274
	%	7,4%	9,1%	7,7%
Итого	N	2916	627	3543
	%	100,0%	100,0%	100,0%

Помимо этого вопроса респондентам было задано несколько других вопросов об идентификации. В частности, предлагалось согласиться или не согласиться с высказываниями «Во мне есть многое как от русской культуры, так и от культуры страны, где родились мои родители», «В России меня никогда не будут считать своим», а также «Для меня важно, что я [ответ респондента на открытый вопрос о его национальности] по национальности» (Рисунок 19).

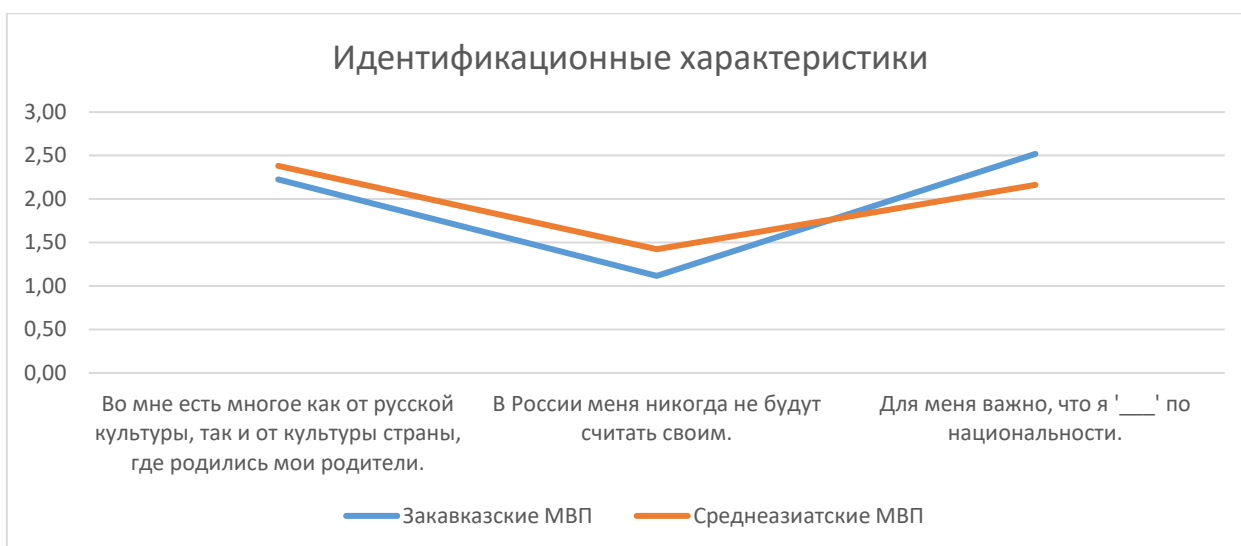

Рисунок 19 – Ответы на вопрос «Где Вы в большей мере чувствуете себя своим?» по группам мигрантов второго поколения: закавказские МВП и среднеазиатские МВП

Анализ распределений на эти вопросы показал, что респонденты в целом соглашались с тем, что они впитали в себя две культуры, однако ощущение, что в России их не считают своими, среди них присутствует, при этом касается это в большей степени МВП из Средней Азии. Степень же идентификации с категорией, которую они указали в качестве своей «национальности», у них также высока, и выше она у закавказских МВП. Можно, таким образом, говорить о том, что большая часть МВП считает Россию своей страной. Вполне характерен случай Б. (м., 20, арм., Москва, №22), который особенно не рассуждает об этом на постоянной основе, однако, когда интервьюер попросил его ответить на соответствующий вопрос, ответил однозначно: «Родина моя Россия получается, я же здесь родился». Характерен также случай В. (ж., 23, арм., Москва, №23), которая говорит о наличии у нее двух родин одновременно:

И: А где твоя родина?

Р: У меня их, мне кажется, две. Потому что, я очень благодарна России за эту всю возможность, то, что мои сюда переехали, и смогли нас вырастить, дать нам всё, всё, что мы с сестрой хотели. Ну, а как я могу назвать своей родиной Россию, как бы, да, если я армянка. Я получается и там своя, и тут своя. Ну, или, и там чужая, и тут чужая.

В какой степени, однако, есть негативная связь между транснациональным поведением и этнической идентификацией, с одной стороны, и идентификацией с Россией, с другой?

Как можно судить из таблицы (Таблица 21), транснациональное поведение в значительной мере распространено среди МВП. В школьное время каждое лето в страну происхождения родителей ездила треть опрошенных, а еще чуть больше трети были там более одного раза. В то время, как дети немигрантов отправлялись в деревню или в оздоровительный лагерь, мигранты второго поколения зачастую ехали отдыхать к родственникам в Закавказье или Среднюю Азию. Например, семья Д. (ж., 18, аз., Тюменская область, №311) каждое лето проводила в деревне недалеко от Гянджи, а И. (ж, 23, узб., Москва, №198) родители отправляли к родственникам в Андижан, сами оставаясь в России. Кроме того, нередко случалось, что МВП проводили в стране происхождения и более продолжительное время. Например, П. (м., 21, узб., Омская область, №224) родился и пошел в школу в России, затем же с 4 по 7 класс, после развода родителей, жил в Кыргызстане, после чего вернулся в Россию. Кроме того, за последние пять лет как минимум три раза в стране происхождения был 31% опрошенных МВП. Это в целом меньше, чем в школьные годы, что соотносится с результатами анализа качественных данных, согласно которому интенсивность поездок в страну происхождения родителей по окончании школы снижается, однако тоже указывает на интенсивность транснационального поведения.

Таблица 21 – Кросс-табуляции: Ответы на вопросы «Ездили ли Вы в страну происхождения родителей (одного из родителей) в школьные годы?» и «А сколько раз за последние пять лет Вы были в стране происхождения родителей (одного из родителей)?» по ответам на вопрос «Чувствует ли себя своим в России?»

	Ездили ли Вы в страну происхождения родителей (одного из родителей) в школьные годы?	Чувствует ли себя своим в России		Итог о	Хи-квадрат	А сколько раз за последние пять лет Вы были в стране происхождения родителей (одного из родителей)?	Чувствует ли себя своим в России		Итог о	Хи-квадрат
		Нет	Да				Нет	Да		
N	Да, каждое лето	255	931	1186	20,662***	Более пяти раз	103	287	390	47,126***
%		39,4%	32,2%	33,5 %			15,9%	9,9%	11,0 %	
N	Да, был несколько раз	232	1014	1246		Три-пять раз	151	569	720	
%		35,8%	35,0%	35,2 %			23,3%	19,7 %	20,3 %	

Продолжение таблицы 21

N	Да, был один раз	71	363	434	Один-два раза	270	1142	1412
%		11,0%	12,5%	12,2 %		41,7%	39,4 %	39,9 %
N	Нет, не был	90	587	677	Ни разу	124	897	1021
%		13,9%	20,3%	19,1 %		19,1%	31,0 %	28,8 %
N	Итого	648	2895	3543	Итого	648	2895	3543
%		100,0%	100,0%	100,0 %		100,0%	100,0 %	100,0 %

Согласно *данным* (см.

Таблица 22), связь между транснациональным поведением и ощущением себя своим в России присутствует – существенная часть тех, кто чувствует себя своим в России, в страну происхождения родителей ни в школьные годы, ни в последние пять лет не ездили, и эти цифры больше, чем среди тех, кто в России себя своим не чувствует. Одновременно с этим, если вернуться к соотношениям, видно, что среди тех, кто чувствует себя своим в России интенсивно практиковали транснациональное поведение 67% опрошенных, а из тех, кто хотя бы раз был в стране происхождения за последние 5 лет, таковых 69%. Можно, таким образом, говорить о том, что, связь между транснационализмом и ощущением себя своим в России есть, но она слабая, и вполне возможно ездить в страну происхождения и ощущать себя своим в России, что и делает подавляющее большинство респондентов. Например, Н. (ж., 22, тадж, Москва, №193) росла в Москве в семье мигрантов из Таджикистана, в которой считалось, что скоро они вернутся. В гости же в Худжанд – родной город родителей – Н. ездила регулярно. Приезжая туда, однако, она чувствовала себя чужой, а в Москве наоборот – своей. О. (ж., 17, кырг., Москва, №198), каждый год ездит с семьей в Джалал-Абад, при этом считает Россию своей родиной.

Сходная ситуация – со связью между силой этнической идентификации и ощущением себя своим в России. Есть слабая связь между этими переменными ($r=0,058$, $p=0,001$), однако кросстабуляция показывает, что среди тех, кто чувствует себя своим в России, также очень ценит свою национальность 53% опрошенных против 62% у тех, кто с Россией «не сложилось» (см. таблицу ...), и можно говорить о том, что сильная этническая идентичность и ощущение себя дома в России, вполне сочетаемы.

- А как Вы себя чувствуете, армянином?

- Я полностью армянин, армянин, но россиянин. То есть в голове я армянин, просто очень дружелюбно отношусь ко всем народам, и к русским и ко всем, ко всем, но воспитание у меня более армянское получилось.

(м, 21, арм., Москва, №10)

Таблица 22 – Кросс-табуляция: Согласие или не согласие с высказыванием «Для меня важно, что я ... по национальности» по ответам на вопрос «Чувствует ли себя своим в России»

Для меня важно, что я ... по национальности		Чувствует ли себя своим в России		Итого	Хи-квадрат
		Нет	Да		
Полностью согласен	N	350	1327	1677	16,840***
	%	62,8%	53,4%	55,1%	
Скорее согласен	N	130	755	885	
	%	23,3%	30,4%	29,1%	
Скорее не согласен	N	59	306	365	
	%	10,6%	12,3%	12,0%	
Полностью не согласен	N	18	98	116	
	%	3,2%	3,9%	3,8%	
Итого	N	557	2486	3043	
	%	100,0%	100,0%	100,0%	

Более того, нужно, в целом, отметить, что как минимум у части МВП идентичность является объектом рефлексии и результатом этой рефлексии могут быть достаточно сложные лексические конструкции. Открытый вопрос в опросе позволял выявить такие идентичности: «армянка с русским сердцем», «армяноукраинка», «армянский сын русского народа», «черный русский (азербайджанец)», «по крови кыргыз, в душе русский» и проч. Среди прочих идентичностей, кроме того, распространена категория «мусульманин/мусульманка».

Можно, таким образом утверждать, что МВП в большинстве случаев чувствуют себя своими в России, однако страна происхождения родителей, равно как и собственная этническая принадлежность для них также значат много и, в целом, эти лояльности не являются конфликтующими в восприятии самих МВП.

Подытоживая, таким образом, можно говорить о том, что этнические мигранты второго поколения из Закавказья и Средней Азии в среднем успешнее местных в части образования, при этом, если закавказские МВП существенно превосходят местных, то среднеазиатские МВП «проигрывают» по этому критерию всем остальным включая местных. На уровне доходов эти различия, однако, не сказываются – он не различается по группам, при этом эти соотношения разные в столичных и нестоличных регионах. В кругах общения мигрантов второго поколения как правило присутствуют представители «своей» этнической категории, однако замкнутые группы такого рода в этой среде складываются редко, и в основном мигранты второго поколения общаются с представителями прочих этнических категорий. Женятся мигранты второго поколения на представителях «своей» категории чаще, чем на представителях прочих категорий, а вот романтические отношения с последними происходят чаще, однако есть существенные различия по полу: молодые люди встречаются с представительницами других категорий в два раза чаще девушек. Гендерные установки у мигрантов второго поколения, в целом, отличаются от гендерных установок местных в консервативную сторону, но отличие это не очень большое, не в последнюю очередь в связи с тем, что Россия, в целом, достаточно консервативная страна. Одновременно с этим, мигранты второго поколения значительно «либеральнее» в этих вопросах, чем их родители. Идентичностные характеристики у мигрантов второго поколения инклюзивные: чаще всего они привязаны как к России и своему региону в ней, так и к стране происхождения родителей, а также для них важна принадлежность к их этнической категории. Все эти идентичности успешно сосуществуют в головах мигрантов второго поколения и не конфликтуют.

3 Результаты сравнения интеграционных траекторий мигрантов второго поколения в России и в других странах

Задача анализа, приведенного в этом разделе, состоит в том, чтобы понять, каковы характеристики интеграции мигрантов второго поколения в России на международном фоне. Сопоставление проведено по четырем центральным темам: показателям структурной, социальной, культурной и идентификационной интеграции; кроме того, мы задействуем

контекстуальные факторы, такие как миграционный контекст и особенности расселения мигрантов в принимающей стране (Таблица 23).

Интеграционные траектории МВП, в целом, тесно связаны с характеристиками человеческого капитала их родителей и с особенностями расселения мигрантов в принимающей стране. В России оба фактора благоприятствуют интеграции МВП: во-первых, семьи мигрантов живут дисперсно, и говорить о моноэтнических районах с компактным проживанием мигрантов не приходится – за исключением отдельных населенных пунктов Краснодарского края, где могут преобладать т.н. амшенские армяне, живущие там уже около века. Во-вторых, несмотря на то что в России не действовала балльная система отбора мигрантов, как в Канаде и Австралии, большинство родителей МВП имеют как минимум среднее образование, и все трудоустроены как специалисты по найму или ведут собственный бизнес, размер которого может сильно варьироваться. Кроме того, в силу того, что все родители МВП из Закавказья и Средней Азии в России выросли в СССР, они, во-первых, хорошо знакомы с институтами принимающего общества, которые за 30 лет, прошедшие с момента распада СССР, слабо изменились в силу институциональной «зависимости от пути» (path-dependence), во-вторых, неплохо или свободно владеют русским языком, в-третьих, в ценностном плане могут незначительно отличаться от местных – например, в том, что касается ценности высшего образования.

В плане структурной интеграции ситуация МВП в России вполне благополучная: по уровню дохода значительных различий между МВП и местными сверстниками не наблюдается; в плане образования наблюдаются отличия между разными группами МВП: если потомки мигрантов из Закавказья в среднем более образованные, чем местные, то молодежь среднеазиатского происхождения, напротив, уступает и тем, и другим. Это лучше, чем, например, в Бельгии, где показатели МВП в плане образования и положения на рынке труда отстают от таковых у местных, и во Франции, где в плане образования разрыв небольшой, а в плане рынка труда – более значительный. В Германии, хотя ситуация в сфере образования не самая благополучная, на рынке труда МВП находят рабочие места не реже, чем местные. Самая благополучная ситуация – в Канаде, где уже почти полвека действует балльная система, обеспечивающая высокий уровень человеческого капитала мигрантов первого поколения, и где МВП демонстрируют лучшие результаты, чем местные. В Австралии, где также действует балльная система, МВП как минимум не уступают местным – а в зависимости от миграционной

волны, могут их и обгонять. В Израиле и Швеции разные группы МВП, в зависимости от миграционной волны, демонстрируют разные результаты.

В плане социальной интеграции Россия слабо отличается от других стран. Круги общения МВП в России полиэтнические – и такую же ситуацию можно наблюдать в Германии и Швеции. В Израиле как минимум часть русскоязычных МВП остаются в преимущественно «русских» кругах, что связано как с установками на такое общение, так и со структурой возможностей в «русских гетто». Доля смешанных браков среди МВП в России выше, чем, например, среди МВП турецкого происхождения в Бельгии, где 50% приходится на браки с мигрантами первого поколения, и сопоставима с показателями среди МВП алжирского происхождения в той же стране, где почти половина браков заключается с бельгийцами. В России, напомним, доля смешанных браков среди МВП закавказского происхождения составляет 56%, среднеазиатского – 58%. В США, при сильных установках на смешанные браки, их доля среди МВП составляет всего 15%.

В отличие от других стран – таких как Израиль и Германия – в России МВП практически без исключений не владеют русским на уровне родного или свободного. В силу расширительной нами трактовки термина «мигрант второго поколения», куда мы включили не только родившихся на территории России, но и переехавших до окончания школы – можно предположить, что разница между Россией и другими странами в этом плане только увеличится, если мы сузим фокус исследования строго до тех, кто живет в РФ с рождения. Благоприятному положению дел в этой области способствуют те же два фактора – отсутствие этнических районов и советский бэкграунд родителей МВП. Видимо, в силу того же советского бэкграунда и в большей или меньшей степени успешному советскому проекту модернизации, слишком сильных отличий МВП от местных сверстников в плане гендерных норм в России анализ не выявил. При этом надо учитывать условность категории «местные», которая внутри себя очень неоднородна.

Идентификационная интеграция МВП в России, в целом, успешна – и в этом ситуация похожа на ситуацию в Канаде и США. Большинство МВП в России, Канаде и США ощущают себя в этих странах своими, чувствуют с этими странами связь или называют себя типичными их жителями. Отличается от этих стран Германия, где МВП в первую очередь связывают себя со страной происхождения родителей – а с принимающей страной связь у них слабая.

Таким образом, в части успешности интеграции МВП в России, в целом, не уступает другим странам. В плане структурной интеграции МВП Россия уступает разве что Канаде, где балльная система отбора мигрантов первого поколения обеспечивала высокий уровень человеческого капитала в их среде. При этом ситуация в России в разы лучше, чем, например, в Бельгии. В плане социальной интеграции – кругов общения и брачных партнеров – ситуации МВП в России и других странах различаются слабо. Во всех странах, о которых нам удалось найти данные, круги общения МВП скорее смешанные – и в России ситуация такая же. В плане смешанных браков МВП закавказского и среднеазиатского происхождения в России похожи на МВП алжирского происхождения в Бельгии – с примерно половиной смешанных браков. В том, что касается идентификационной интеграции, Россия находится в ряду наиболее успешных стран – вместе с Канадой и США, где, при обилии гибридных категорий самоидентификации, большинство МВП ощущают сильную связь с нынешней страной проживания. Успешность российской ситуации в немалой степени объясняется отсутствием этнических районов и характеристиками миграционных потоков, которые, став в 1991 году международными, по сути во многом остались внутренними – в силу чего настолько серьезной дистанции между мигрантами первого поколения и местными, как, например, в Бельгии, в России не наблюдается.

Таблица 23 – Сравнение характеристик интеграции мигрантов второго поколения в России и в других странах

	Миграционный контекст	Особенности расселения мигрантов	Структурная интеграция МВП	Социальная интеграция МВП	Культурная интеграция МВП	Идентификационная интеграция МВП
Франция	Основные регионы происхождения мигрантов – Европа, Магриб и Северная Африка	90% мигрантов и их детей сконцентрированы в городах, в первую очередь – в крупнейших городах. Проблема пространственной сегрегации существует, однако полностью мигрантских районов, скорее, нет.	В плане образования МВП практически не проигрывают молодежи без миграционного бэкграунда, а в плане трудоустройства и уровня зарплаты – проигрывают.	Нет данных	В плане культурных норм, касающихся брачности и рождаемости детей, МВП приближаются к таковым среди населения без миграционного бэкграунда.	Нет данных
Германия	Две значительные миграционные волны: мигранты, приехавшие по программе «гастарбайтеров» из Турции, а также мигранты из Восточной Европы и бывшего СССР, приехавшие по еврейской линии и программе репатриантов.	Нет данных	МВП уступают своим местным сверстникам, однако если отличия в уровне образования значительные, на рынке труда они сглаживаются, так что разрыв в уровне трудоустройства и дохода незначительный.	Круги общения характеризуются скорее как этнически разнообразные, чем моноэтничные. Этнически однородные социальные круги общения характеризуют 23% мигрантов второго поколения из Турции и 71% немецкой местной молодежи.	76% МВП говорят на немецком на уровне родного.	Идентификация со страной происхождения родителей сильнее, чем с Германией. Одновременно, сильной является локальная идентификация с районом проживания в Германии.
США	Максимальное разнообразие мигрантов – как по регионам происхождения, так и по характеристикам человеческого капитала. Весомая часть недавней миграции – Центральная Америка, Мексика, Азия.	Этнические районы (моно- или полиэтничные) присутствуют.	По уровню образования обгоняют сверстников с более давним миграционным бэкграундом; по уровню достатка – сопоставимы с ними.	Сильные установки на смешанные браки. Доля (расово) смешанных браков по стране в целом – 8%, среди МВП – 15%.	90% МВП отлично говорят на английском	61% МВП называют себя «типичными американцами». Активное использование панэтнических и гибридных категорий для самоидентификации.
Канада	Более «старые» миграционные потоки – из Европы. Сейчас преобладают квалифицированные мигранты, отобранные по балльной системе – среди них много мигрантов из Китая и Индии.	Мигранты живут в основном в больших городах. Этнические районы присутствуют, их социально-экономические характеристики варьируются. Дисперсия МВП по стране выше, чем у первого поколения.	По уровню образования МВП обгоняют как своих родителей, так и сверстников с более давним миграционным бэкграундом. Высокий уровень образования конвертируется в высокие карьерные достижения и доходы.	От первого ко второму поколению снижается доля социальных связей с представителями той же этнической категории.	МВП чаще, чем их сверстники с более давним миграционным бэкграундом, живут с родителями во взрослом возрасте.	Большинство МВП ощущают связь с Канадой. От первого ко второму поколению растет популярность гибридных категорий.
Швеция	Основные миграционные волны связаны с программами привлечения рабочей силы и воссоединения семей, а также с гуманитарной миграцией. Беженцы очень сильно различаются по своим социально-экономическим характеристикам.	Этнические районы, часть из которых неблагополучные, присутствуют.	Отдельные группы МВП обгоняют местных сверстников по уровню образования. Зарабатывают МВП либо столько же, либо меньше, чем местные.	Среди МВП турецкого происхождения, живущих в Стокгольме, только у 10% три лучших друга – турки. От первого ко второму поколению растет доля смешанных браков.	Нет данных	Нет данных

Бельгия	Основные миграционные потоки связаны с программами привлечения рабочей силы из европейских стран, из Турции и Северной Африки, с гуманитарной миграцией (во многом из Черной Африки) и политикой воссоединения семей.	Высокая жилищная, а также школьная сегрегация, особенно среди беженцев из Африки в Брюсселе.	По всем показателям – уровню образования, трудоустройства и дохода – МВП уступают местным сверстникам.	Среди МВП турецкого происхождения 10% браков – смешанные, а 50% – с мигрантами первого поколения из Турции. Среди МВП алжирского происхождения почти половина браков – с бельгийцами.	Нет данных	Нет данных
Израиль	Миграционные волны – 1) из Восточной Европы и Машрика, 2) бывшего СССР и Эфиопии. Различаются по характеристикам человеческого капитала: из Восточной Европы и бывшего СССР – более высокий уровень образования и доля городских жителей, чем среди мигрантов из Машрика и Эфиопии.	Присутствует этническая сегрегация.	Сильные различия. МВП с родителями из Восточной Европы – тот же уровень образования и позиции на рынке труда, что у сверстников более давнего миграционно бэкграунда. МВП с родителями из Эфиопии и Машрика уступают по уровню образования и позициям на рынке труда. Мигранты с родителями из бывшего СССР сильно дифференцированы: одни как минимум не уступают «местным», другие – уступают.	МВП советского происхождения почти поровну делятся на тех, кто общается преимущественно в русских, израильских и смешанных кругах. Есть те, кто остаются в «русских гетто».	Не все русскоязычные МВП свободно владеют ивритом.	Первая волна – идентифицируют себя как израильтяне, идентификация русскоязычных МВП варьируется.
Австралия	Миграционные волны – из Европы, Новой Зеландии, Азии. Основные типы миграции сейчас – гуманитарная, воссоединение с семьей, экономическая (квалифицированные специалисты, отобранные по балльной системе)	Основная часть мигрантов живет в городах, обсуждается проблема неблагополучных мигрантских районов	Показатели варьируются в зависимости от миграционной волны. Почти все МВП (кроме детей новозеландцев и британцев, приехавших до Второй мировой войны) как минимум не уступают сверстникам с более давним миграционным бэкграундом.	Нет данных	Часть МВП не отличаются от остальных австралийцев в плане брачного и репродуктивного поведения, другая часть – отличается.	Происходит активное обсуждение идентификаций с параллельным движением в сторону мультикультурализма
Россия	Миграция из бывших советских республик Закавказья и Средней Азии, которая началась в позднее советское время и продолжилась в постсоветское.	Полностью мигрантских районов, скорее нет	По уровню образования МВП из Закавказья обгоняют местных, а из Средней Азии – уступают им. Тем не менее, в доходах между МВП и местными значительной разницы нет.	Круги общения – полиэтнические. Больше чем в половине случаев браки – моноэтнические.	Свободное владение русским языком. Различия в гендерных установках между МВП и местными незначительные. При этом как МВП, так и сами местные разнородны в этом плане.	МВП ощущают себя своими в России и одновременно с этим часто сохраняют идентификацию с номинальной этнической категорией своих родителей.

4 Рекомендации по улучшению интеграционных траекторий мигрантов второго поколения в России

Данный раздел содержит рекомендации для органов власти, которые, по мнению авторов, могут способствовать улучшению интеграционных траекторий мигрантов второго поколения в России. Предварительно следует отметить, однако, что, во-первых, мигранты второго поколения в России, если смотреть в целом, не являются отстающей или непривилегированной группой, и не они являются источником социальных напряжений, во-вторых, их положение, как следует из анализа, приведенного выше, отличается в лучшую сторону от положения мигрантов второго поколения в большей части принимающих обществ. Вместе с этим анализ выявил некоторое количество точек напряжения, которые могут стать объектом вмешательства посредством внесения поправок в существующее законодательство, создания учебных программ или осуществления тех или иных мероприятий. Ниже эти точки напряжения описаны и сопровождаются рекомендациями по улучшению ситуации. Названия пунктов отражают рекомендации.

- (1) *Получение гражданства по облегченной процедуре для тех, кто закончил в России школу.* На данный момент процедура получения российского гражданства закончившими в России школу не отличается от соответствующей процедуры, через которую должны пройти все прочие категории иностранных граждан. По нашим данным, молодые взрослые мигранты второго поколения, в целом, не имеют российского гражданства в 18% случаев, при этом, если среди армянских мигрантов второго поколения таковых 7%, среди мигрантов второго поколения из Кыргызстана доля людей без российского гражданства составляет 25%. Такое положение вещей зачастую связано или с тем, что их семьи постоянно меняли место жительства и жили «на две страны», или с тем, что в их семьях миграция воспринималась как временное явление и существовала установка на возвращение в страну происхождения. В результате этого дети, закончив в России школу, сталкиваются с невозможностью продолжения бесплатного образования или даже оказываются в ситуации запрета на законных основаниях проживать в России. Например, Г. (м, 30, узб, ЯНАО, №359), сын узбека из Кыргызстана, живет в России с 12 лет и закончил в Ноябрьске школу. В Кыргызстане за время жизни в России он не был ни разу. Уже во взрослом возрасте отправившись в Кыргызстан и попытавшись въехать обратно, он обнаружил, что в Россию ему въезд запрещен на три года в связи с

двумя административными нарушениями. Такие ситуации способствуют социальной маргинализации мигрантов второго поколения, в то время как социализированные в России и хорошо знающие русский язык молодые люди без сомнения могут способствовать процветанию страны. В связи с этим рекомендация состоит в том, чтобы изменить существующее законодательство, в частности, 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», и ввести в статью 14 «Прием в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке» пункт, согласно которому обратиться с заявлением о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке без соблюдения условия о сроке проживания вправе иностранные граждане, имеющие аттестат об основном общем образовании, полученный в Российской Федерации.

- (2) *Организация помощи в освоении русского языка.* Мигранты второго поколения в абсолютном большинстве случаев говорят на русском как на родном, более того есть семьи, в которых единственным языком общения является русский. В то же время, для многих мигрантов второго поколения русский является вторым языком, и есть семьи, в которых он вообще не используется. По нашим данным, таких семей чуть меньше четверти. Русский язык мигрантами второго поколения впоследствии выучивается, однако за счет слабого знания языка на начальных этапах они могут существенно отстать в учебе или стать объектом насмешек, что особенно тяжело переживается в подростковом возрасте. В ходе одной из фокус-групп в ХМАО те участники таджикского молодежного объединения Сургута, которые не родились в России, но учились здесь в школе, во-первых, рассказывали, что над всеми ними в школе издевались, во-вторых же сошлись во мнении, что это было связано не столько с национальностью, сколько с тем, что они делали ошибки в речи, казавшиеся одноклассникам смешными. Это мнение отражает причины издевательств в школе, как мы их понимаем. Низкая успеваемость и издевательства со стороны одноклассников часто оказывают кумулятивный эффект на интеграционные траектории мигрантов второго поколения. В свете этого представляется целесообразным оказание помощи в освоении русского языка мигрантами, поступающими в школу, более того подобные мероприятия должны быть сфокусированы как на освоении русского языка как инструмента получения образования, так и средства повседневного общения со сверстниками. Для этого должны быть разработаны методики обучения школьников русскому языку как иностранному, учебный план должен предполагать возможность такого

обучения, а также учителя должны быть переподготовлены соответствующим образом.

- (3) *Организация психологической помощи для девушек.* В свете культурной специфики миграционных потоков, многие мигранты второго поколения воспитываются в семьях, где гендерные отношения регулируются особым образом. Согласно этим регуляциям, семьи следует создавать с представителями той же этнической категории (а иногда выходцами из тех же локаций в стране происхождения), а основной добродетелью женщин, и прежде всего незамужних девушек, является целомудрие, которое поддерживается за счет запрета на любые взаимодействия с мужчинами, не являющимися членами семьи, особого – закрытого – дресс-кода, а также существенных ограничений в передвижении. Распространены случаи, когда девушка должна оказаться дома сразу после учебы и не может принимать участие ни в каких мероприятиях, часто девушки не могут уехать учиться в другой населенный пункт, и, если там, где живет семья такой девушки, нет профессиональных учебных заведений, ее образование на этом может закончиться. Нарушения этих правил, особенно тех, которые касаются отношений с противоположным полом, строго караются вплоть до того, что нарушительниц могут сильно избить или даже выдать замуж в страну происхождения. В свете этих ограничений, санкций, которые они предполагают, а главное – наличия вокруг альтернативных, значительно более свободных моделей поведения, часто оказывающихся притягательными для молодых девушек, они оказываются под сильным психологическим прессом, результатом чего у них могут развиваться серьезные психологические проблемы. Организация психологической помощи для таких девушек, а также создание и адаптация методик психологической помощи с учетом культурной специфики мигрантов второго поколения из консервативных обществ является важной задачей. Более того, в свете противодействия, с которым сталкиваются девушки, заявляющие о своих правах и о своей автономии, следует способствовать, во-первых, принятию законодательства о домашнем насилии, во-вторых, расширению сети убежищ для женщин в трудном положении. Хочется надеяться, что реализация таких мер поможет избежать случаев, подобных произошедшему летом 2018 года в Москве, когда три сестры – мигрантки второго поколения из Армении – убили своего отца, который на протяжении лет избивал их за «непристойное поведение». Эта ситуация, будучи единичным экстремальным событием, скорее всего сопряженным с

психическими отклонениями отца девушек, является, однако, достаточно типичной в смысле семейных установок и норм, приведших к насилию над девушками и последующему убийству.

- (4) *Внедрение интеркультуралистского подхода в практику проведения культурных мероприятий на национальную тему.* Мигранты второго поколения в сравнении с жителями отправляющих стран эмоционально гораздо менее вовлечены в дискурсы о «межэтнических конфликтах», некогда произошедших в стране происхождения. В частности, если говорить про армянских и азербайджанских мигрантов второго поколения, по нашим данным, только 27% из них избегает общения с представителями «противоположной» категории, 78% соглашается с тем, что представители «противоположной» категории не лучше и не хуже других людей, и не более 44% говорит о том, что вопрос Карабаха касается их лично, отмечая, что «в проблеме Карабаха виноваты не национальности, а алчные политики» в 86% случаев. Более того, представители таких категорий в свете общности культурных пэттернов часто дружат. Есть, однако, ситуации, когда конфликт «просыпается», более того, эти ситуации создаются администрацией учебных заведений, которые ставят своей целью предотвращение конфликтов на этнической почве. Речь идет о праздниках, в ходе которых «народы» представляют свои «национальные культуры». Такие праздники проводятся в школах, ВУЗах, а также на муниципальном уровне. Основная проблема с такого рода мероприятиями состоит в том, что, во-первых, они имеют группобразующий эффект, то есть люди, до того не бывшие общностью, общностью становятся, более того, объединение происходит по национальному признаку, во-вторых же драматургия таких мероприятий в основном построена на соревновании, пусть и мирном – в танцах, готовке или женской красоте. Примером негативного эффекта такого рода мероприятий является цепочка событий вокруг праздника с характерным названием «Москва нас подружила» в РУДН – он закончился дракой армянских и азербайджанских студентов стенка на стенку. Особенность появившегося за рубежом в 90-ые годы подхода к проведению подобных мероприятий, состоит в том, что на смену национальному в их драматургии приходят семейные истории, а на смену соревнованию – сотрудничество. Возможными мерами для изменения драматургии таких мероприятий на уровне страны является создание методических материалов по их проведению с учетом интеркультуралистского подхода, организация обучения на основании этих методических материалов

чиновников на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, а также организации методической помощи в разработке драматургии таких мероприятий на местах.

Заключение

Интеграция мигрантов второго поколения в молодом взрослом возрасте в России – важная и неисследованная тема. Во многом это так вследствие того, что эта группа лишь недавно вошла в этот возраст, и существовавшие исследования мигрантов второго поколения в школах позволяли давать лишь обобщенные прогнозы относительно их будущего положения на рынке труда, брачных стратегий и прочих интеграционных характеристик. В целом, ожидания в отношении закавказских МВП были достаточно высокими, среднеазиатские МВП вызывали опасение. Данное исследование позволило как минимум в ближайшем приближении ответить на вопрос о том, как сложились взрослые траектории этих детей.

Как оказалось, мигранты второго поколения из Закавказья, в целом, лучше образованы, чем местные, а среднеазиатские МВП местным по этому критерию не уступают, однако в части дохода эти группы не различаются. Круги общения мигрантов второго поколения в большинстве случаев включают представителей той же этнической категории, однако полностью моноэтнические круги общения складываются редко. Можно говорить о том, что этническая сегрегация – ни пространственная, ни социальная – в связи с мигрантами второго поколения в России не происходит. Ценности мигрантов второго поколения консервативнее, чем в среднем у сопоставимого населения России, но не сильно, более того, в целом, россияне, не относящиеся к категории «русские» часто более консервативны в отношении, например, гендерных установок. Важно, что в сравнении со своими родителями мигранты второго поколения придерживаются существенно более либеральных взглядов, что часто вызывает конфликты. Идентификация мигрантов второго поколения является инклюзивной, то есть, они идентифицируют себя как с Россией, так и со страной происхождения родителей и «своей» этнической категорией, и эти множественные идентификации не вызывают вопросов.

На международном фоне Россия предстает страной, интеграция мигрантов второго поколения в которой проходит наиболее успешно. Показатели структурной интеграции, например, в России сопоставимы с австралийскими и канадскими. Вместе с этим следует отметить, что существует два фактора, обуславливающие такое положение дел. Во-первых, это советское наследие в части пространственных структур, в результате которого не сложилось ни этнических райнов, ни этнических школ в большом количестве. Во-вторых, это внутренний характер миграции родителей мигрантов второго поколения, которые частью переезжали еще до распада СССР, частью сразу после и в целом были достаточно

институционально компетентны для того, чтобы обустроить собственную жизнь и жизнь своих детей. Тем не менее, повторимся, Россия – один из мировых лидеров в части интеграции мигрантов второго поколения.

Есть, однако, ряд сложностей, сопряженных с этим процессом. В частности, небольшая доля мигрантов второго поколения не успевает получить гражданство в школьные годы и оказывается уязвима в части возможности легального пребывания в России, а также не имеет доступа к бесплатному высшему образованию, что существенно снижает шансы таких людей на рынке труда. Кроме того, среди всех мигрантов второго поколения наименее защищенными в ментальном и физическом плане являются молодые девушки, которые оказываются под прессом культурных требований, соблюдение которых требуют от них под угрозой физической расправы. Очевидно, что такое положение вещей требует исправления.